

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 331.5 (09)

Я. А. СИРИЦА

Омский государственный
аграрный университет

ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕЛЕЙ СЛУЖБЫ ЗАНЯТОСТИ В СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Переход Российского государства от централизованной системы хозяйствования к рыночной экономике не мог не отразиться на сфере социально-трудовых отношений. Смена социально-экономического уклада обострила проблемы занятости, вернула безработицу в российское общество спустя 60 лет. Появилась необходимость в воссоздании Службы занятости, которая была создана и ликвидирована в СССР к 1930 г. за ненадобностью как исполнившая свою миссию — безработица в СССР была полностью ликвидирована. Насколько цели российской Службы занятости совпадают с целями и задачами советской и совпадают ли они в принципе — автору предстоит выяснить.

Период истории 90-х гг. XX в. — время сложное, противоречивое. Уже многое написано историками, политологами, социологами, экономистами о трансформации всех общественных систем в России в этот период и еще многое предстоит написать. Главный вектор направления трансформации — от советского социализма к капитализму. Если говорить об экономической сфере — это время изменения форм собственности и ее перераспределения; снятие с государственных структур функций прямого управления экономикой. Если говорить о социальной сфере — это время демонтажа институтов и гарантий, которые были созданы за годы советской власти. Это время, когда начались активные преобразования всей сис-

темы политических, экономических, социальных отношений.

В рамках данной работы нам предстоит решить ряд вопросов: определить проблемы, характерные для сферы занятости в период изменения социально-экономического уклада; выявить органы государственной власти, решающие проблемы занятости (на уровне субъекта федерации Омская область государственные органы власти представлены территориальными органами) и оценить степень и силу влияния территориальных органов государственной власти на процессы в сфере занятости на территории Омской области.

Начало трансформации социально-экономической системы связывают с радикальными экономи-

ческими реформами в России. Началом радикальных экономических реформ можно считать октябрь 1991 г., когда на пятом Съезде народных депутатов Б. Н. Ельцин объявил о проведении в стране радикальных экономических реформ. За годы экономического реформирования Россия в целом и каждый субъект РФ в частности, в том числе Омская область, подверглись испытанию на прочность и самовыживание. Основными задачами реформаторов были: рост экономики, подъем народного хозяйства, повышение уровня и качества жизни населения. Сегодня много спорят о результатах реформирования. Или, лучше сказать, промежуточных результатах, т. к. реформирование продолжается. По мнению А. Паршева, эксперимент по построению рыночного общества, предпринятый реформаторами при поддержке подавляющего большинства народов и бывшего СССР, и бывшего соцлагеря, закончился оглушительным крахом везде, во всех новых государствах; капиталистический эксперимент в нашей стране не увенчался успехом [1].

Кардинальному изменению в результате экономических реформ подверглась сфера занятости населения. Рыночный характер проводимых преобразований положил начало формированию ранка труда в России. С появлением рынка труда мы можем наблюдать следующее: снижение занятости населения; рост неполной занятости; расширение явной и скрытой безработицы, возникших из-за значительного сокращения объемов производства; массовое высвобождение работников производственной сферы. Важным моментом в законодательном регулировании сферы занятости стал 1991 г. 19 апреля 1991 г. вышло постановление Верховного Совета РСФСР о введении в действие Закона «О занятости населения в РСФСР» (закон вступил в действие с 01 июля 1991 г.), в соответствии с которым создана Федеральная государственная служба занятости населения (далее Служба занятости), независимая от Министерства труда РСФСР. В соответствии со ст. 15 закона, Служба занятости стала единой федеральной системой органов и учреждений, к компетенции которой были отнесены следующие вопросы:

- оценка состояния и прогноз развития занятости населения;
- предоставление информации о положении на рынке труда;
- разработка и реализация программ по содействию занятости населения на федеральном и региональном уровнях власти;
- содействие гражданам в поиске работы;
- содействие работодателям в подборе кадров;
- организация профессиональной ориентации, профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации безработных;
- осуществление выплат безработным.

Таким образом, новому государственному органу было поручено оказание помощи будущим безработным и незанятым гражданам в поиске места работы. Теперь безработные имели право на получение пособия по безработице и участие в программах занятости за счет средств Государственного фонда занятости.

Для определения главного предназначения вновь созданной Службы занятости необходимо определиться с основными терминами, к числу которых относится понятие безработицы. Рассмотрим одно из определений: «Безработица — явление, присущее капиталистическому общественному строю, когда часть трудящихся не может найти себе работу, становясь «излишним» населением, резервной армией

труда» [2]. Более того, безработица для граждан — это не просто отсутствие работы, не только материальные и физические страдания, но и сильные моральные терзания, и лишения, и преждевременная старость.

В Конституции РФ, ст. 7 сказано: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [3]. Одним из главных условий, обеспечивающих достойную жизнь, является наличие работы, оплачиваемого труда. «Труд — целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей» [4]. Данное определение позволяет сделать вывод о том, что труд — это не только способ удовлетворения материальных потребностей человека (что естественно — человеку необходимо питаться, одеваться и т. д.). Труд — это еще и способ удовлетворения культурных и духовных потребностей личности, заключающихся в творческом самовыражении и самоутверждении. Исходя из естественных природных потребностей граждан (в том числе потребности в труде), основываясь на положении Конституции РФ, логично было бы предположить, что главной целью службы занятости должна быть цель обеспечения работой всех желающих трудиться граждан, т. е. стремление к максимально возможной «полной занятости». В этом случае с точки зрения социально-трудовых отношений конституционное определение нашего государства «социальным» было бы оправдано.

Для понимания контекста исследуемой проблемы обратимся к истории вопроса. Служба занятости — система органов власти, которая существовала на протяжении многих лет: и в дореволюционной императорской России, и при Советской власти. Биржи труда, бюро по трудоустройству, центры занятости населения, отделы занятости — все это не однокоренные, но родственные термины. Просто в тот или иной период времени Служба занятости имела различные названия и функции. Первые Биржи труда, созданные городскими управами, возникли в России в начале XX века в крупнейших промышленных центрах (Москва, Петербург, Рига, Одесса). Наряду с ними получили распространение частные посреднические конторы, которые за предоставление работы взыскивали с безработных высокую плату. Профсоюзы в организации трудового посредничества через Биржи труда не участвовали. В СССР государственные бесплатные Биржи труда существовали в первые годы Советской власти. Они были орудием пролетарского государства по планомерной борьбе с безработицей, являвшейся наследием капитализма. На них возлагались учет и распределение рабочих во всех отраслях народного хозяйства, упорядочение спроса и предложения труда; организация общественных работ, выдача пособий безработным и т. п. В управлении Биржами труда активное участие принимали профсоюзы и комсомол. Советские Биржи труда сыграли важную роль в обеспечении всеобщей занятости населения. К концу 1930 г. в результате социалистических преобразований в СССР безработица была полностью ликвидирована, в связи с чем Биржи труда прекратили свое существование [5].

Таким образом, за 8 лет в результате деятельности советских Бирж труда безработицу в СССР ликвидировали. Каким образом этого удалось добиться? Обеспечение кадрами народного хозяйства СССР носило планомерно-организованный характер и про-

водилось комитетами Советов министров союзных республик по использованию трудовых ресурсов с их органами на местах, которые осуществляли организованный набор рабочих и их переселение. Набором рабочей силы занимались и сами предприятия.

Является ли опыт создания и функционирования советской Службы занятости образцом или примером для подражания — не это главное. Важнее отметить, что при Советской власти Служба занятости имела определенную цель — обеспечение полной или всеобщей занятости. Так или иначе, исторический опыт показал, что цель была реализована — безработицу в СССР ликвидировали.

Марцева Л. М. говорит, что данные о безработице в России не только смущают, но и возмущают [6]. Автор выяснила, что к 1999 г. численность постоянного населения страны составляла 146,3 млн человек, из которых 30,3 млн моложе трудоспособного, а 30,4 млн человек старше трудоспособного возраста. Трудоспособное население России составляло к 2000 г. 85,6 млн человек, из них 63,6 млн человек представляли среднегодовую численность занятого в экономике населения. Из оставшихся после вычета 22 млн человек — обучались в средних и высших учебных заведениях 5,5 млн студентов. Из оставшихся 16,5 млн людей трудоспособного возраста только 8,9 млн указывались как общая численность безработных в стране, куда входили и 1,9 млн человек, зарегистрированных в органах государственной службы занятости. Где же еще 7,6 млн человек? Кто они, на что и где живут? Бомжи, беспризорные? По мнению Марцевой Л. М., 17 млн человек — официальные статистические данные людей без трудовых источников существования к 2000 г., а неофициальные данные составляли более 20 млн человек.

Это много, если учесть, что в СССР из 278,7 млн человек свободные трудовые ресурсы в 1989 г. составили 6 млн человек (по официальным данным Госкомстата). Даже если сравнивать с пессимистическими оценками в 15,7 млн безработных в СССР [7], цифра 20 млн человек в масштабах России представляется катастрофической.

Проанализировав советский опыт Службы занятости, сравнив его с целями и задачами вновь созданной в 1991 г. российской Службы занятости, можно сделать вывод о том, что конечные цели Служб занятости в указанные исторические периоды времени разные в принципе. Обеспечение полной занятости не является главной целью современной Службы занятости, а термины «оценка состояния сферы заня-

тости», «содействие гражданам в занятости», «информирование населения о ситуации на рынке труда» — вовсе не гарантируют в обозримой перспективе обеспечение максимально возможной полной занятости. Вероятно, это закономерно. Диалектика капиталистического способа производства такова, что «избыточное» трудящееся население — продукт капиталистического накопления, становится рычагом этого накопления и даже условием существования и развития капитализма. Избыточное население составляет необходимую принадлежность капиталистического хозяйства, без которой оно не могло бы ни существовать, ни развиваться [8]. Тем не менее государство, назвавшее себя «социальным», в соответствии с Конституцией РФ, должно обеспечить право на труд и охрану этого права для каждого экономически активного человека. Возникает вопрос, может ли государство называть себя «социальным», не соблюдая конституционных норм и не предпринимая *эффективных мер* для исполнения собственной Конституции?

Библиографический список

1. Паршев А. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. - М.: АСТ, Астрель, 2006. — С. 5, 30.
2. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://bse.chemport.ru/bezrobotitsa.shtml>.
3. Конституция РФ. — Новосибирск: Сиб. ун-в. изд-во, 2004. - С. 5.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М.: Азбуковник, 1999. - С. 814.
5. Трудовое право: энциклопедический словарь / под ред. А. Иванова. - М.: Советская энциклопедия, 1979. — С. 367.
6. Марцева Л.М. Социокультурные формы народохозяйственных систем // Омский научный вестник. - 2006. - март. - С. 12-16.
7. Марцева Л.М. Проблемы труда в утопическом, научном и реальном социализме: монография. - Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1993. - С.71-74.
8. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. - М., 1965. Т.2. - С. 173 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.marxists.org/russkij/lenin/cw_zip/.

СИРИЦА Яна Анатольевна, аспирант кафедры истории и регионального развития.

Статья поступила в редакцию 15.01.08 г.

© Я. А. Сирица

Книжная полка

Хроменкова, Н. И. Всеобщая история архивов [Текст] : конспект лекций / Н. И. Хроменкова. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2008. — 51 с.

Издание содержит конспекты лекций по всем разделам дисциплины «Всеобщая история архивов», контрольные вопросы по каждой теме и библиографический список. Структура и содержание лекций соответствуют государственному стандарту высшего профессионального образования специальности «Историко-архивоведение».

Для студентов специальности «Историко-архивоведение» дистанционной и заочной форм обучения.

По вопросам приобретения — (3812) 65-23-69
E mail: libdirector@omgtu.ru.

ПРОБЛЕМА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В СССР В 30-е ГОДЫ XX ВЕКА

Цель данной работы — изучить ситуацию с педагогическими кадрами, сложившуюся в СССР в 1930-е годы, и кадровую политику Наркомпроса и лично Бубнова А. С. в этой сфере. Вопросы подготовки педагогических кадров в условиях введения в стране всеобщего начального и семилетнего образования для Наркомпроса, возглавляемого Бубновым А. С., были одними из важнейших в рассматриваемый период. Количество и качество учительских и педагогических кадров влияло как на сроки проведения реформ народного образования, так и на их успешное завершение.

Несмотря на то, что именно в 30-е годы происходит становление системы подготовки и переподготовки педкадров, в отечественной историографии эта проблема обходится стороной. Основной массив исследований по деятельности Наркомпроса в эти годы был написан в советский период, поэтому они характеризуются высокой степенью идеологизированности и слабой разработкой архивных материалов¹.

В связи с ускоренными темпами введения всеобщего обучения в начале 1930-х годов потребность в учительских кадрах стала огромной, а их дефицит хроническим и прогрессирующим. Под руководством и при непосредственном участии наркома просвещения А. С. Бубнова в Наркомпросе начал разрабатываться пятилетний план подготовки кадров советской интеллигенции. В первом изданном по этому поводу приказе № 1281 нарком потребовал подготовку педагогов спланировать в первую очередь наряду с индустриальными, сельскохозяйственными и социально-экономическими кадрами².

Несмотря на развернувшееся крупномасштабное планирование Наркомпрос был подвергнут 2 февраля 1930 г. критике в газете «Правда» за серьезные недостатки в кадровой политике. Одним из основных был низкий процент коммунистов и комсомольцев среди будущих педагогов. Реагируя на критику, наркомат запланировал на 1930 г. принять в педагогические вузы тысячу членов партии и полторы тысячи комсомольцев³. Позднее нарком как особую заслугу ЦК ВЛКСМ преподнес тот факт, что комсомол сумел мобилизовать в начале 30-х годов на педагогическую работу свыше 20 тысяч своих членов, из которых 9 тысяч пришлось на Российскую Федерацию⁴.

Наркомпрос уже в 1930 г. пришел к выводу что, несмотря на предпринимаемые усилия по увеличению приема студентов в вузы и техникумы, не в силах в ближайшие годы даже частично удовлетворить гигантские потребности массовой школы в учительских кадрах. В связи с этим было принято решение сделать на время основным источником пополнения педагогических рядов краткосрочные курсы учителей. Постоянно шел поиск и других источников. Так, 6 января 1931 г. коллегия Наркомпроса под председательством А. С. Бубнова постановила: «Мобилизовать необходимое число культармейцев для занятий с неграмотными подростками, ...ускорить выпуск учителей с педкурсов, ...мобилизовать на подготовку лиц, могущих вести занятия в младших группах на-

чальной школы»⁵. Эти решения послужили основанием для создания и развития широкой сети краткосрочных учительских курсов. В результате только за 1931 — 1935 гг. они дали школе 148 тысяч учителей⁶.

Но Наркомпрос не удовлетворяла качественная сторона подготовки выпускников курсов. Огромное количество педагогов без законченного профессионального образования и с низкой общеобразовательной подготовкой существенно снизило уровень учебно-воспитательной работы в школе. Многие выпускники курсов, прежде всего из числа членов партии и комсомола, через некоторое время выдвигались на должности руководителей школ и отделов народного образования, внося элемент непрофессионализма также и в управленческую сферу просвещения.

В связи с этим параллельно с курсами началось стремительное создание широкой системы заочного обучения учителей, призванной дать выпускникам курсов: законченное педагогическое образование за педтехникум или педвуз. В короткие сроки факультеты и секторы заочного обучения появились во всех педагогических учебных заведениях. В тысячах городов и поселков открылись их консультационные пункты. Заочное обучение всячески пропагандировалось и поощрялось. Студентам-заочникам предоставлялись дополнительно значительные льготы: 26 суток оплачиваемого отпуска на летние сборы, 8 дней для сдачи зимней сессии, 10 дней на консультации, снижались общественные нагрузки и т. п.

Несмотря на все это, главной проблемой заочного обучения оставался большой отсев из педагогических учебных заведений. Эта ситуация порождалась как морально-политической обстановкой, созданной в те годы вокруг интеллигенции, так и материальным положением учителя. Конкретной же побудительной причиной отсева являлись чаще всего низкая общеобразовательная подготовка абитуриентов и их неспособность, вследствие этого, освоить курс обучения в вузе или техникуме. В 1935 г. приемные комиссии многих педагогических техникумов, в том числе и столичных, для выполнения плана набора вынуждены были принять в число студентов до 67% абитуриентов, получивших на вступительных экзаменах по одной — две неудовлетворительной оценки⁷. Уровень знаний поступающих оставался чрезвычайно низким, несмотря на то, что начиная с 1931 г. в техникумах работали подготовительные курсы для абитуриентов. Наркомпрос, неудовлетворенный состоянием

работы этих курсов, специально рассматривал их деятельность на заседании коллегии под председательством А. С. Бубнова.

Причиной низкого качества подготовки абитуриентов являлся слабый профессионализм школьных учителей. Квалификация и опыт большинства из них не позволяли им действительно использовать в учебном процессе методическую литературу, учебную технику, приборы и оборудование. Наиболее наглядно проявлялась несостоятельность учителей русского языка, на что Бубнов обращал особое внимание. «Если взять ученические тетради, — говорил он, — вы увидите, какое значительное количество ошибок пропускается учителями. Есть случаи, когда при исправлении ошибок учителя сами делают ошибки. Мы имеем бесконечное количество безграмотных надписей. Например, недавно прошел конкурс школьных газет... все без исключения газеты, представленные на конкурс, имели грамматические ошибки»⁸.

Вся система подготовки учителей в 30-е годы напоминала порочный круг: малоквалифицированные учителя не могли дать ученику полноценного общего образования, а слабо подготовленный выпускник школы, став студентом, не усваивал курса профессионального обучения и либо становился, в свою очередь, слабым учителем, либо попросту бросал учебу.

В августе 1933 г. Наркомпрос принял постановление о создании постоянно действующей системы повышения квалификации учительских кадров. Были установлены конкретные сроки получения педагогами полноценного образования, определено количество лиц, обязанных в тот или иной период сдать экстерном экзамены по программе вуза или техникума. С целью придания работе планомерного характера в структуре Наркомпроса создавалось новое подразделение — управление подготовки учителей.

Развернувшаяся переподготовка учителей не подкреплялась в достаточной степени материальными средствами: не выделялись для этого дополнительные ассигнования, помещения, учебники, бумага и т.п. В результате намеченные планы оставались зачастую нереализованными.

Поиск резервов, о которых говорил нарком, велся постоянно и по многим направлениям. Предпринимались попытки возвратить в школу педагогов, перешедших на другую работу, ряды российских учителей пополнялись также за счет их зарубежных коллег. Учителя из Греции, например, работали по контракту в школах для греков Краснодарского края и Греческом педагогическом техникуме Краснодара. Массовый характер носил приезд германских специалистов на работу в учреждения культуры и образования Республики немцев Поволжья, общеобразовательную школу имени К. Либкнехта г. Москвы.

В начале 30-х годов, когда дефицит учительских кадров носил еще локальный характер, их нехватка в одном регионе частично восполнялась за счет избытка в других. Практиковались длительные (на 2 — 3 года) командировки из центральных городов России в сельскую местность и отдаленные районы. Так, 28 февраля 1931 г. совещание при нарком просвещения постановило: «В порядке добровольной общественной кампании, проводимой по профсоюзной линии, командировать 275 учителей Москвы и Ленинграда на укрепление школ Урала и Кузбасса ряд выпускников педагогических вузов для расширяющейся школьной сети Магнитостроя»⁹.

С 1932 г. добровольные командировки стали заменяться обязательными. Под строгий контроль берется

распределение выпускников. Студенты, прибывшие на учебу из отдаленных районов или сельской местности, после окончания обучения направлялись на работу по месту своего прежнего жительства. Сроком на несколько лет на периферию распределялись и студенты, постоянно проживавшие в крупных городах. Все это несколько снижало остроту обстановки, но в целом решить проблему дефицита учительских кадров за счет принудительного распределения выпускников не удалось.

Основная масса молодых специалистов негативно воспринимала работу в провинции и под различными предлогами отказывалась ехать по распределению в указанное место, либо вскоре покидала его. Наркомпрос получал массу писем и телеграмм, сообщавших о неприбытии учителей после отпуска или по распределению, о массовых срывах школьных занятий из-за отсутствия педагогов: «... в средней школе Знаменского района из летнего отпуска вернулся один преподаватель из двенадцати...»; «Школа Каучукпромпхоза 12 под угрозой срыва учебного года. Ни одного преподавателя нет, нет директора. Месяц не учились. Просим помочь...»¹⁰.

В развернувшейся работе по закреплению в школе педагогических кадров нарком просвещения А.С. Бубнов учитывал, что их текучесть в значительной степени зависела от уровня материально-бытовых условий учительства. В связи с этим Наркомпрос ежегодно по несколько раз специально изучал и обсуждал вопросы выплаты заработной платы учителям, обеспечения их топливом, продовольственными и промышленными товарами. На протяжении всех восьми лет своего пребывания на посту наркома Бубнов ставил эти вопросы перед местными и центральными органами власти, выносил на страницы периодической печати и на обсуждение общественности.

Многолетние усилия Бубнова к весне 1936 г. дали некоторые результаты. Его голос был услышан в верхних эшелонах власти. В марте правительство СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление о задолженностях по зарплате учителям, где создавшееся положение признавалось нетерпимым. Для детального изучения проблемы и выработки рекомендаций по исправлению положения решением Политбюро ЦК ВКП(б) была создана авторитетная комиссия под председательством главы правительства СССР В. М. Молотова. В ее состав вошли: Л. М. Каганович, А. А. Жданов, Н. И. Ежов, А. С. Бубнов, А. В. Косарев и другие видные государственные и политические деятели.

Комиссия разработала проект постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о повышении заработной платы учителям, которое было принято 9 апреля 1936 г.¹¹ Зарплата учителям повышалась на 10 — 25 % (в зависимости от квалификации, стажа и места работы). Однако даже и после такого незначительного повышения оплаты труда в школы РСФСР в 1936 г. вернулись 13 тысяч уволившихся ранее учителей¹², что свидетельствовало о прямой зависимости пресечности педагогического труда от материальной обеспеченности учителя.

Если размер заработной платы в целом стал удовлетворять учительские кадры, то проблемы своевременности ее выплаты в 1936 г. еще более обострились. И это несмотря на то, что Политбюро ЦК ВКП(б) еще в декабре 1934 г. приняло постановление «О мероприятиях, предотвращающих образование задолженности по зарплате учителям»¹³, одним из пунктов которого предусматривалась уголовная ответственность заведующих роно за задержку заработной пла-

ты. Задержки не только не прекратились, но даже приняли хронический характер. Меры же уголовного преследования не применялись к виновникам почти до конца 1936 г. И лишь когда все другие формы воздействия были исчерпаны, Политбюро ЦК ВКП(б), обсудив вопрос «О задолженности по зарплате учителям Курской области», постановило: «Принять предложение т. Вышинского о привлечении к уголовной ответственности заведующих РайОНО Советского, Кореневского, Косторинского, Старо-Оскольского, Горшеченского и Ракитянского районов с тем, чтобы к наиболее злостным виновникам применить безусловное заключение под стражу»¹⁴.

Нехватка учителей стала ощущаться не только в сельских и отдаленных районах, но и во многих центральных областях и даже в таких городах, как Иваново, Саратов, Ростов-на-Дону, Ленинград, Москва. На местах скорее, чем в центре поняли, что отток учителей из школ носит не случайный характер, и высказывали в связи с этим далеко не оптимистические прогнозы. Так, секретарь Куйбышевского крайкома партии П. П. Постышев писал А. С. Бубнову 19 июня 1937 г., что в школах Куйбышевской области не хватает 905 педагогов и «...в течение летнего времени часть учителей дополнительно уйдет из школ и будет снята с работы аттестационными комиссиями... недостаток учителей будет еще более острым»¹⁵. Опасения Постышева оправдались во всероссийском масштабе. На 1 декабря 1937 г. только в начальных и семилетних школах России не хватало 24370 учителей, что равнялось двум годовым выпускам всех учительских и педагогических институтов¹⁶.

Чтобы облегчить положение учительских кадров и, тем самым, уменьшить их текучесть Наркомпрос прилагал много усилий к освобождению учительства от многочисленных общественных нагрузок и несвойственных ему функций. В результате к 1936 г. наметился некоторый сдвиг во взглядах партийных и советских органов на роль и предназначение учителя. Выступая на совещании учителей Московской области в январе 1936 г., нарком просвещения заметил: «...лет 5–6 назад учитель 30 процентов времени работал в школе, а 70 процентов времени вне школы..., занимался на предприятии, борьбой с лодырем, с пьяницей, помогал ликвидации всяких прорывов, в промфинплане, то же самое в колхозе. Сейчас мы этого допустить не можем»¹⁷.

Стремительный рост дефицита педагогических кадров в 1937 г. был напрямую связан и с волной массовых репрессий, проводимых в то же время в стране. Российскому учительству, и без того не отвечавшему по своему количественному и качественному составу требованиям времени, был нанесен мощный удар. Анализ показывает, что он не был преднамеренным, имеющим заранее спланированную цель ослабления рядов учительства. Он явился результатом общей политики сталинского режима, и школьный учитель угодил под колесо репрессий, так же неизбежно и закономерно, как попадали представители других социальных групп и слоев общества. Но в отличие от людей других профессий учитель как «боец идеологического фронта» чаще подвергался гонениям при аресте родных и близких. Характерна в этом отношении справка Красногвардейского района г. Москвы, представленная Бубнову. В начале 1937–1938 учебного года там был уволен ряд учителей «по политическим соображениям: ... Иродова, школа № 330 — муж арестован и выслан; Бирембаум, школа № 328 — брат арестован и выслан; Прейвас, школа № 326 — брат, арестован как враг народа, муж исклю-

чен из партии; Крепкова, школа № 328 — брат выслан»¹⁸. По подобным — «политическим соображениям» было отказано в работе тысячам учителей. Многие педагоги по этим же причинам лишались почетных званий и наград, переводились на менее ответственные должности.

Таким образом, подготовка педагогических кадров с самого начала стала давать сбой. Ни жесткая критика в адрес Наркомпроса с последующим арестом А. С. Бубнова и других руководителей ведомства, ни продление сроков приема студентов в вузы, ни отмена некоторых вступительных экзаменов — никакие методы «кнута и пряника» не помогли достичь планируемых результатов.

Ухудшающееся из года в год положение с обеспечением школ учителями вынудило правительство РСФСР создать в 1936 г. специальную комиссию по подготовке и переподготовке педагогических кадров, работавшую под непосредственным руководством председателя правительства. Ее работа в определенной мере ослабила последствия репрессий, способствовала расширению сети педагогических учебных заведений, активизировала подготовку кадров. Комиссия разработала план подготовки педагогов, рассчитанный до 1943 г. В рамках этого плана получил устойчивое развитие новый тип педагогических учебных заведений — учительские институты, готовившие специалистов с неполным высшим образованием. Они создавались при университетах, преобразовывались из рабфаков и педагогических техникумов, открывались на базе некоторых вузов непедagogического профиля. Для развития сети учительских институтов Наркомпросу были переданы из ведения других наркоматов здания 40 институтов с учебной базой и оборудованием.

Одновременно значительно расширялось строительство новых учебных зданий. В титульный список строительства на 1937–1938 гг. было включено 43 педагогических и учительских института, а также 69 студенческих общежитий более чем на 24 тысячи мест¹⁹. Однако эти грандиозные, хотя и не совсем реальные, планы давали определенные результаты. В 1938 г. количество студентов, принятых в педагогические вузы, увеличилось почти на 5 тысяч человек²⁰. Кроме этого по решению правительства педагогов стали готовить и многие вузы, не входившие, в систему Наркомпроса.

В 1937 г. в РСФСР насчитывалось 111 педагогических и учительских институтов с общим числом студентов 50713 человек и 415 педучилищ со 130 тысячами будущих педагогов²¹.

Наркомпрос во главе с А. С. Бубновым проделал в 30-е годы грандиозную по объему и значимости работу по подготовке педагогических кадров. В конце рассматриваемого периода в общеобразовательных школах России трудилось учителей в три с лишним раза больше, чем во всей дореволюционной Российской империи. И, несмотря на то, что две трети из них не имели законченного профессионального образования, вопреки катастрофической текучести педагогических кадров и массовым репрессиям, Наркомпросу удалось одержать победу огромной исторической важности — дать каждому гражданину России возможность получить начальное и семилетнее образование, ликвидировать неграмотность большинства взрослого населения страны.

Примечания

¹ См.: Клочков, И.Д. Подготовка рабочих широкого профиля в средних профтехучилищах. — М., 1979; Клочков, И.Д. Совер-

шенствование подготовки квалифицированных рабочих. — М., 1975; 1952; Миттов, Н.К. Пути осуществления всеобщего обязательного семилетнего обучения в РСФСР (1930 — 1941): Дис... канд. пед. наук. — М., 1955; Новик, Е.К. Партийное руководство формированием кадров народного образования 1917 — 1941 гг. Дис... д-ра ист. наук. — М., 1988; Панкратова, А.Д. КПСС и Советское правительство в борьбе за подготовку и реализацию всеобщего обучения в период 1917 — 1932 гг.: Дис... канд. ист. наук. — М., 1955; Чекунов, И.В. Деятельность Народного Комиссариата просвещения РСФСР по организации и совершенствованию руководства школьным образованием: Дис... канд. пед. наук. — М., 1971.

² ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2106. Л. 28.

³ Там же. Л. 81.

⁴ Там же. Л. 83.

⁵ Там же. Л. 26.

⁶ Там же. Д. 2222. Л. 9.

⁷ Там же. Д. 2116. Л. 1.

⁸ Бубнов, А.С. Статьи и речи о народном образовании / Сост. проф. Г.С. Прозоров. — М., 1959, С. 63.

⁹ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2126. Л. 65.

¹⁰ Там же. Д. 2329. Л. 82, 83.

¹¹ Там же. Д. 2225. Л. 57.

¹² Там же. Л. 17.

¹³ Беляев, А.И. Вопросы народного образования в курсе истории КПСС. — М., 1985, С. 57.

¹⁴ Глазунов, Н.И. Подготовка рабочей смены. — Киев, 1987, С. 39.

¹⁵ Там же. С. 92.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2329. Л. 6.

¹⁷ Бубнов, А.С. Статьи и речи о народном образовании / Сост. проф. Г.С. Прозоров. — М., 1959, С. 15.

¹⁸ Хлевнюк, О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. — М., 1996, С. 68.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2224. Л. 15.

²⁰ Там же. Д. 2224. Л. 17.

²¹ Там же. Д. 2323. Л. 58.

НОВИЧКОВ Алексей Валерьевич, аспирант кафедры политической истории факультета государственного управления.

Статья поступила в редакцию 08.02.08 г.

© А. В. Новичков

УДК 930(571.1/5)

Д. В. ПЛЮЙКО

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

ПРОБЛЕМА «БЕЛОГО» ТЕРРОРА НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ В ТРУДАХ ПЕРВЫХ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В данной статье раскрывается процесс становления и развития научных взглядов советских историков 1920-х годов на проблему «белого» террора в Сибири. Автор анализирует методологию и конкретные результаты исследований первых советских историков. Сегодня труды этих историков не только подвергаются переоценке, но и используются современными учеными.

История Гражданской войны в Сибири представляет собой сложное сочетание проблем и сюжетов, среди которых все более значимыми оказываются вопросы изучения террора и политических репрессий. В 1990-х — первой половине 2000-х гг. появился целый ряд работ историков-сибиреведов, свидетельствующих об усилившемся интересе исследователей к довольно болезненной для общественного сознания теме «красного» и «белого» террора. Сложившаяся историографическая ситуация несомненно является отражением общероссийских тенденций, направленных на тотальное переосмысление истории Гражданской войны. Однако, несмотря на значительное продвижение, достигнутое уже к началу 2000-х гг., возможности расширения проблематики, а равно и новой, более адекватной интерпретации важнейших аспектов данной темы нельзя считать исчерпанными.

По мнению одного из видных исследователей историографии Гражданской войны в России В. И. Голдина, «потребность продолжения комплексного

изучения темы террора в годы Гражданской войны остается весьма актуальной»¹. Подходы к решению этой задачи могут быть различными, но одним из наиболее перспективных по-прежнему является переоценка исследовательского опыта первых историков Гражданской войны в Сибири, своего рода диалог современных историков со своими предшественниками.

Общим ориентиром для первого поколения советских исследователей Гражданской войны служили взгляды В. И. Ленина, полагавшего, что «рождение нового строя невозможно без революционного насилия», а сама война «немыслима ни без разрушений тягчайшего вида, ни без террора»². Позиция В. И. Ленина в вопросе о применении террора совпадала с мнением других вождей Советского государства. Например, Л. Д. Троцкий также рассматривал террор как неотъемлемый атрибут социальной революции. Он писал: «Кто отказывается от мер подавления и устрашения по отношению к ожесточенной и во-

оруженной контрреволюции, тот должен отказаться от политического господства рабочего класса, от его вооруженной диктатуры»³.

В трудах советских историков 1920-х гг. указанные взгляды нашли прямое отражение. Однако террор «белых» изображался как насилие, устрашение и принуждение рабочих и крестьян, тогда как репрессивные действия большевиков представлялись в качестве «справедливого» «красного террора». Необходимо обратить внимание на то, что подобные заявления лидеров большевистской партии, открыто пропагандировавших террор, существенно отличались от заявлений вождей «белых» армий, которые не только не стремились теоретически обосновать акты насилия и террора, но иногда осуждали это насилие, пытались по-своему объяснить его природу. Так, генерал А. И. Деникин, признавая факт внеправовых действий армии, выражал сожаление по поводу того, что «военная добыча стала для некоторых снизу — одним из двигателей, для других сверху — одним из демагогических способов привести в движение иногда инертную, колеблющуюся массу»⁴.

К числу ключевых проблем истории Гражданской войны на востоке России, изучавшихся советскими историками 1920-х гг., принадлежали классовая борьба рабочих и крестьян с контрреволюционными правительствами Сибири, роль большевиков в этой борьбе, природа антибольшевистских правительств Сибири. Обращаясь к исследованию этих сюжетов, советские историки параллельно освещали различные аспекты «белого» террора и политических репрессий противников советской власти.

Одной из важнейших проблем истории Гражданской войны в Сибири являлся вопрос о природе правительств «демократической контрреволюции» и адмирала Колчака. Так, в работах А. А. Ансона и М. М. Константинова были наглядно отражены ключевые представления о природе правительств «демократической контрреволюции» и адмирала Колчака⁵. По мнению А. А. Ансона, правительства «демократической контрреволюции», состоявшие из эсеров и меньшевиков всегда шли на поводу у крупных промышленников и в конечном итоге превратились в «резкие реакционные, не прикрывающиеся демократической тогой»⁶. Данная политика соглашательства эсеров, как считал А. А. Ансон, находила свое выражение в запрещении создавать профсоюзы и проводить демонстрации. Протесты рабочих против такой политики подавлялись армией и карательными отрядами атаманов. По мнению М. М. Константинова, сущность правительства Колчака проявлялась во «введении денационализации промышленных предприятий, сведению деятельности профсоюзов на нет, мобилизации в войска, реквизиции скота и прочего крестьянского имущества»⁷. Эти мероприятия вызывали возмущение и протест у рабочих и крестьян. В свою очередь «попытки протестов вызывали поголовное физическое уничтожение не только участников восстаний, но и всего населения»⁸.

Понятие «колчаковщина», по мнению М. М. Константинова, характеризовалось открытым «белым» террором и политическими репрессиями, когда обычным делом была «система заложничества, по которой арестованные большевики и подозреваемые в сочувствии им обрекались расстрелу или виселице»⁹. Для большей убедительности своих слов историк использовал фотографии расстрелянных рабочих в Новониколаевске.

Политика колчаковщины стала предметом исследования Г. В. Круссера¹⁰. Он подчеркивал, что террор

«демократической контрреволюции» отличался от карательной политики Колчака по масштабам проведения и отношению к нему официальной власти. Если правительства «демократической контрреволюции» прибегали к террору как к временной мере борьбы с оппозицией, то правительство Колчака применяло террор постоянно, подвергая ему большее количество рабочих и крестьян.

Оценка рабочей политики «белых» в Сибири была дана в статье Я. Кальнина «Труд при белых»¹¹. Автор провел различие между рабочей политикой Временного сибирского правительства и правительства Колчака. По его мнению, труд рабочих при Колчаке был ознаменован гораздо большим количеством конфликтов и незаконных арестов, чем при власти правительств «демократической контрреволюции». Я. Кальнин отмечал, что в период с 1 января по 1 ноября 1919 г. инспекциями труда Западной и Восточной Сибири было зарегистрировано свыше 1130 конфликтов между рабочими и администрацией предприятий, число участников этих конфликтов превышало 82 600 человек¹².

Статья С. А. Козловой, написанная на материалах Омского архивного бюро была посвящена проблеме взаимоотношений профсоюзов с министерством труда колчаковского правительства и правительств «демократической контрреволюции»¹³. Тот факт, что инспекторы труда, которые должны были следить за соблюдением прав рабочих, постоянно подвергались гонениям со стороны администрации предприятий, по мысли С. А. Козловой, должен был служить неоспоримым доказательством антирабочей политики правительств «демократической контрреволюции».

По мнению историков 1920-х гг., так называемая антинародная сущность антибольшевистских правительств Сибири находила свое выражение и в террористических действиях, проявленных по отношению к сторонникам советской власти. Классической работой, воплотившей в своем содержании этот тезис, стала статья В. Д. Вегмана под названием «В Сибири ужас и смерть». На основании мемуаров большевиков-подпольщиков и документов министерства внутренних дел правительства Колчака автор воспроизвел картину бедственного положения военнопленных красноармейцев в Омском лагере¹⁴.

Особый трагизм бытия заключенных концлагеря заключался в том, что «арестованные, которые были скучены в неотапливаемых антисанитарных казематах, истощены от систематического недоедания, постепенно чахли и угасали»¹⁵. Недоедание, по мнению В. Д. Вегмана, послужило причиной возникновения эпидемии тифа. Называя количество умерших от тифа узников, историк приводит данные чехословацкого уполномоченного по делам военнопленных в Западной Сибири. Чиновник в скупых выражениях изложил неимоверно тяжелые условия, в которых находились заключенные. По его информации в Омском концлагере «содержится 2300 человек. Из них заболело около 1000 человек. Ежедневно умирает 3—4 человека»¹⁶. Как указывал В. Д. Вегман, в ноябре — декабре 1919 г. незадолго до окончательного падения власти Колчака, все заключенные концлагерей Омска и Новониколаевска были «зверски изувечены и убиты»¹⁷. В подтверждение историк приводит «Акт освидетельствования трупов жертв колчаковского террора», где отмечалось, что убитые подверглись различного рода пыткам и истязаниям.

Тема террора против сторонников советской власти была затронута также в работах Б. З. Шумяцкого и А. А. Ширямова¹⁸. Авторы отмечали, что самые

большие по своим масштабам репрессии Колчак и его окружение обрушили на пленных красноармейцев и большевиков именно осенью 1919 г., когда обнаружилось полное поражение белых в Сибири.

Другой не менее важной проблемой изучения истории Гражданской войны была классовая борьба рабочих и крестьян с контрреволюционными правительствами Сибири. Занимаясь исследованием этой темы, советские историки показывали, что террор и репрессии были предопределены не только классовой сущностью антибольшевистских правительств, но и служили реакцией на социальный протест народных масс. Например, в сборнике «Горняки Сибири» были обрисованы различные факты протеста рабочих против власти Колчака и правительств «демократической контрреволюции»¹⁹. Вместе с тем авторы отмечали, что власть всех без исключения антибольшевистских правительств Сибири ожесточенно боролась с рабочим движением, которое разрасталось уже в июне — июле 1918 г., когда произошли массовые забастовки судженских шахтеров и Кольчугинское восстание рабочих. По мнению авторов сборника, антирабочая политика «белых» правительств заключалась в том, что они сначала издавали демократические по своей сути постановления, но потом грубо их нарушали. В качестве примера приводится нарушение положения «О мерах к восстановлению нормального хода работ промышленных предприятий и поднятию их производительности» от 31 июля 1918 г. Нарушение авторы усматривают в насильственном изгнании профсоюзов Кузбасса и Омска из занимаемых помещений. Изгнание произошло с помощью карательных отрядов²⁰.

Большее внимание историки уделяли изучению партизанского движения. Историки стремились подчеркнуть, что сибирские крестьяне не сразу убедились в антинародной и эксплуататорской сущности антибольшевистских правительств. Только реализация карательных мер этими правительствами способствовала тому, что крестьяне принимали сторону большевиков. Так, по мнению Я. Жигалина, основной причиной побудившей крестьян вести борьбу с властью Колчака были «пуля, шомпол и нагайка», которые «вывели крестьянина из его пассивного состояния»²¹. Подобной точки зрения придерживался и историк П. С. Парфенов, который считал, что основной накал борьбы антибольшевистских правительств с партизанами пришелся на период власти Колчака, когда «белые» начали массово преследовать крестьян за поддержку партизан²².

В книге К. В. Дубровского «В царстве нагайки и виселицы» главное внимание сосредоточивается на описании зверств, как правительств «демократической контрреволюции», так и адмирала Колчака²³. Исследование строится на материалах советской периодической печати и собственных воспоминаниях. По мнению К. В. Дубровского, самые известные проявления «белого» террора имели место в июне 1918 г., в ходе падения власти Советов. По его мнению, свержение советской власти сопровождалось массовыми террористическими действиями по отношению к сторонникам советской власти со стороны военнослужащих чехословацкого корпуса и отрядов казаков. Подчеркивалось, что политику явного преследования большевиков поддерживали партии меньшевиков, эсеров и кадетов. Говоря о Славгородском восстании крестьян против власти Временного сибирского правительства, историк обращает наше внимание на большое количество погибших крестьян в ходе подавления восстания. Как считал К. В. Дубров-

ский, особая жестокость по отношению к восставшим крестьянам была проявлена карательным отрядом атамана Анненкова. В ходе исследования для историка важна не точная цифра пострадавших крестьян от действий отряда Анненкова, а факт санкционирования этих действий со стороны Временного сибирского правительства. Необходимо отметить, что исследователями этой темы в подавляющем большинстве были непосредственные участники и руководители партизанских отрядов.

Как известно, тема репрессивной политики и террора «белых» освещалась и бывшими государственными деятелями антибольшевистских правительств. Советские историки вступали с ними в заочную полемику, не соглашаясь с отдельными положениями их концепций. Например, в рецензии В. Д. Вегмана на книгу Г. К. Гинса «Сибирь, союзники и Колчак» были отмечены особенности колчаковской внутренней политики, которые заключались в широком применении террористических методов, нацеленных на запугивание населения и подчинения его властям. В. Д. Вегман обращает внимание на замалчивание Г. К. Гинсом карательных действий атаманов и военных частей, которые подавляли восстания рабочих и боролись с сибирскими партизанами. По мнению В. Д. Вегмана, эти обстоятельства нельзя «отмечать мимоходом», так как они отражают сущность борьбы населения Сибири с режимом Колчака²⁴. В свою очередь известный историк-эмигрант С. П. Мельгунов, не соглашаясь с мнением советских историков относительно причастности адмирала Колчака к организации карательных операций, которые проводили армия и отряды атаманов. С. П. Мельгунов считал что, лично от Колчака не поступало прямых распоряжений о наведении порядка любым путем, применяя масштабные карательные меры, такие как сжигание деревень и взятие в заложники. Точку зрения С. П. Мельгунова, подтверждали современные исследования И. Ф. Плотникова и П. Н. Зырянова²⁵. Например, И. Ф. Плотников подчеркивает, что генерал Розанов, который сжег два крупных села в Енисейской губернии, просто «подставил» Колчака, т.к. непосредственного приказа от адмирала не поступало²⁶.

Характеризуя в целом комплекс исследований 1920-х — середины 1930-х годов о «белом» терроре и политических репрессиях в Сибири, необходимо выделить следующие характерные для этого этапа особенности.

Как считали советские историки 1920-х гг., антибольшевистские правительства на востоке России в своем развитии двигались от демократических устремлений и лозунгов к военной диктатуре. Военная диктатура, или так называемая «реакционно-монархическая» диктатура, как обычно ее именовали советские историки, характеризовалась применением террористических методов борьбы, прежде всего против рабочих и крестьян. Согласно положениям большинства работ советских историков 1920-х гг. целью террора «белых» в отношении крестьян было их запугивание для подавления выступлений партизан, проведения мобилизации и достижения полной собираемости налогов. Эта цель выполнялись с помощью армии и карательных отрядов атаманов, которые применяли массовые расстрелы, взятие в заложники, сжигание целых деревень. Осуществляя целенаправленные акции подавления рабочих выступлений, органы власти «белых» правительств Сибири, по мнению советских историков, рассчитывали полностью подчинить своей политике все население.

Проблемы «красного» и «белого» террора составляют целостный феномен Гражданской войны, но советские историки 1920-х гг. не исследовали его в полном объеме. Они как непосредственные участники, происходивших событий рассматривали, как правило, террористические акции «белых», причем эти акции подавались очень эмоционально. Чтобы усилить эмоциональное и психологическое воздействие на читателей, в статьях приводились фотографии расстрелянных и замученных рабочих, крестьян, красноармейцев. Но эти материалы служили лишь подтверждением теоретических выкладок, основанных на классовом подходе. Что касается социально-психологических аспектов террора эпохи Гражданской войны, то они изначально не вписывались в принятые на вооружение схемы. Лишь в последние полтора десятилетия эти аспекты получили развитие в отечественной исторической литературе²⁷.

С середины 1930-х гг. резко падает интенсивность исследований по истории «белого» террора. По нашему мнению, это объясняется тем, что сталинская власть, как и политические противники большевиков в 1918—1919 гг., сама начинает активно применять карательные меры и террор по отношению к населению своей страны. В этой связи становится неуместным и опасным интерес историков к трагедии людей, пострадавших от террора в годы Гражданской войны.

Примечания

¹ Голдин В.И. Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е гг.). Архангельск, 2000. - С. 171.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. - С. 116-117.

³ Троцкий Л.Д. Терроризм и коммунизм. М., 1920. - С. 3.

⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.4. М., 1991. - С. 93.

⁵ Ансон А.А. Временное сибирское правительство // Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Новосибирск, 1929. - С. 563-565; Его же. Директория // Сибирская Советская Энциклопедия. Т. 1. Новосибирск., 1929. - С. 826-828; Его же. Белогвардейские организации // Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Новосибирск., 1929. - С. 271-272; Константинов М.М. Колчаковщина // Сибирская советская энциклопедия. Т. 2. Новосибирск., 1929. - С. 837-838.

⁶ Ансон А.А. Временное сибирское правительство // Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Новосибирск, 1929. - С. 564.

⁷ Константинов М.М. Колчаковщина // Сибирская советская энциклопедия. Т. 2. Новосибирск, 1929. С. 837.

⁸ Константинов М.М. Там же. - С. 838.

⁹ Константинов М.М. Там же. - С. 838.

¹⁰ Круссер Г.В. Колчаковщина. Новосибирск, 1931.

¹¹ Кальнин Я. Труд при белых // Сибирские огни. 1929. № 3.

¹² Кальнин Я. Там же. - С. 136.

¹³ Козлова С.А. Труд и охрана труда при Колчаке // Из прошлого Сибири. Омск, 1927.

¹⁴ Вегман В.Д. В Сибири ужас и смерть // Сибирские огни. 1935. № 1.

¹⁵ Там же. - С. 51.

¹⁶ Там же. - С. 51.

¹⁷ Там же. - С. 52.

¹⁸ Шумяцкий Б.З. В большевистском подполье при Колчаке // Сибирские огни. 1933. № 7-8; Ширямов А.А. Конец колчаковщины // Борьба классов. 1935. № 1-2; Его же. Борьба с колчаковщиной // Последние дни колчаковщины. М.-Л., 1926.

¹⁹ Горняки Сибири. Революция и Гражданская война. Профсоюзное строительство в 1917-1927 гг. Сборник статей и воспоминаний. Новосибирск, 1927.

²⁰ Там же. - С. 25.

²¹ Жигалин Я. Партизанское движение в Западной Сибири // Пролетарская революция. № 11. 1930. - С. 98.

²² Парфенов П.С. Гражданская война в Сибири. 1918—1920 гг. М., 1925.

²³ Дубровский К.В. В царстве нагайки и виселицы. Сибирская контрреволюция 1918 — 1919 годов. М. — Л., 1929.

²⁴ Вегман В.Д. Рецензия на книгу Г.К. Гинса «Сибирь, союзники и Колчак» // Сибирские огни. 1922. № 5.

²⁵ Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. М., 2003. - С. 141; Зырянов П.Н. Адмирал Колчак: Верховный правитель России. М., 2006.

²⁶ Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. М., 2003. - С. 141.

²⁷ Буддаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Михайлов И.В. Штрихи к психологии белого террора // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996; Степанов А.И. Психогенетические и этнокультурные последствия массового террора // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996.

ПЛЮЙКО Дмитрий Владимирович, аспирант кафедры современной отечественной истории и историографии.

Статья поступила в редакцию 28.02.08 г.

© Д. В. Плюйко

Книжная полка

Смоленский, Н. И. Теория и методология истории [Текст]: учеб. пособие для вузов по специальности 030401 «История» направления подгот. 030400 «История» / Н. И. Смоленский. — М.: Академия, 2007. — 270, [1] с. — (Высшее профессиональное образование). — Библиогр. в середине кн. — ISBN 5-7695-2957-1.

В учебном пособии анализируются теоретические проблемы истории как науки: истории как целого, исторической необходимости, динамики исторического развития, детерминизма в истории, принципа историзма и др. Рассматриваются методы исторического исследования.

Для студентов вузов, обучающихся по специальности «История», аспирантов исторических факультетов университетов, а также для всех, кто интересуется проблемами истории.

ПРОБЛЕМА ЛИКВИДАЦИИ ПАТРИАРШЕСТВА И СОЗДАНИЯ СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX в.

Историография одной из важных проблем церковных реформ Петра I — ликвидация патриаршества, создание Святейшего Синода входит в круг актуальных вопросов отечественной науки. Обращение к историографическому освоению тем в XIX в. дает возможность более глубоко взглянуть на обозначенные проблемы и современные взаимоотношения государства и церкви.

В конце XX — начале XXI вв. усиливается роль Православной церкви в жизни России. В связи с этим растёт объективная необходимость научной разработки важнейших проблем взаимодействия церкви, государства и общества. В этом плане важен анализ богатейшего опыта русской исторической науки XIX — начала XX вв. Цель предлагаемой работы: определить специфические особенности рассмотрения русской исторической наукой одного из важнейших аспектов церковных реформ Петра I — ликвидации патриаршества и создания Святейшего Синода.

Задачи работы:

1. Определить основные подходы к рассмотрению данной проблемы, существовавшие в указанный период.
2. Проследить эволюцию этих подходов на протяжении XIX — начала XX вв., выявить важнейшие факторы, оказавшие влияние на неё.

Уже в XVIII веке определилось направление, в рамках которого учёные и публицисты были склонны давать позитивную оценку всем деяниям Петра I, истолковывать их как исторически необходимые и видеть у них лишь положительные последствия. Такой взгляд нашёл отражение в труде И. И. Голикова¹. По его мнению, патриархи российские стремились унижить власть царскую. Пётр уже после смерти Адриана замыслил уничтожить патриаршество как высокое духовное достоинство, не совместимое с самодержавием. «Но как все сословия государственные были, так сказать, привязаны к сему достоинству, то должен был монарх дать простыть в них жару сему, а посему и отлагал время от времени избрание нового патриарха под разными видами...»². Когда же население, наконец, привыкло к новым порядкам, государь публично уничтожил патриаршество, а на его месте установил соборное правление под названием Правительствующего Синода. Тем самым Пётр принял на себя титул верховного главы церкви. Автор научного труда всячески превозносит этот шаг как проявление мудрости российского государя.

В отличие от И. И. Голикова, Н. М. Карамзин в «Записке о древней и новой России» высказал своё отрицательное отношение к этому деянию Петра I. По его мнению, Пётр уничтожил патриаршество как опасное для неограниченного самодержавия, в то

время как духовенство никогда не противодействовало ни княжеской, ни царской власти. Если в допетровское время духовенство могло учить народ добродетелям, вещать истину государям, то с уничтожением патриаршества у духовенства была отнята свобода. С точки зрения учёного, церковь, подчиняясь мирской власти, теряет свой священный характер. Усердие к ней слабеет, а вместе с тем слабеет и вера. По мнению Н. М. Карамзина, взаимодействие церкви и государства должно основываться на добровольном союзе. «Явная совершенная зависимость духовной власти от гражданской предполагает, что первая бесполезна, или, по крайней мере, не есть необходима для государственной твёрдости»³.

Взгляды Карамзина на проблему ликвидации патриаршества долгое время оставались неизвестными широкому русскому обществу. «Записка» впервые была опубликована в 1837 году, однако из этого и последующих изданий XIX в. было исключено всё, что касается критики учёным петровской церковной реформы. Вероятно, таких взглядов на отмену патриаршества придерживались и иные учёные, а также церковные деятели, но из цензурных соображений они не решались высказаться открыто.

Особый взгляд на отмену патриаршества нашёл отражение в статье А. С. Хомякова «О старом и новом», написанной в 1839 г. По мнению мыслителя, не следует обвинять Петра I в порабощении церкви. «Независимость её была уже уничтожена перенесением внутрь государства патриаршего престола, который мог быть свободен в Царьграде, но не мог быть свободен в Москве»⁴. Назначение патриарха в России всегда зависело от светской власти. Свобода церкви в России была ограничена задолго до Петра I. Таким образом, в своей политике по отношению к церкви Пётр выступил не как новатор, а как продолжатель действий предшествовавших русских государей.

А. И. Герцен рассматривал ликвидацию патриаршества как часть глубокой революции в государственной и общественной жизни, которую провёл сверху Пётр I. Проблему петровских церковных реформ мыслитель затронул в книге «О развитии революционных идей в России» (написана в 1850 г., опубликована в 1851 году на немецком языке). Герцен утверж-

дал, что восторжествовавшие в России со второй пол. XVI в. принципы государственного и общественного устройства, пришедшие с Византии, порождали застои. Разрушение Петром псевдовизантийского строя было необходимо для страны, но породило неоднозначные последствия.

По мнению мыслителя, «Патриарх никогда не обладал верховными правами, не был полностью независим от царя, но он сообщал известное единство церкви. Однако Пётр менее всего являлся главой церкви, власть его была совершенно светской... Он никогда не выходил за пределы действительности, и, сведя на нет влияние церкви, больше не думал ни о церкви, ни о религии...»⁵.

Обращает на себя внимание тот факт, что в научных исследованиях первой пол. XIX в., где рассматривались разные аспекты церковных реформ, проблема ликвидации патриаршества затрагивалась относительно редко. По-видимому, это объясняется тем, что она была тесно связана с рядом острых общественных вопросов того времени (например, с вопросом о праве государства контролировать духовную жизнь общества). Потому обмен мнениями в прессе и печати по вопросам, связанным с петровской церковной реформой, во время правления Александра I и Николая I был возможен только в рамках официальной идеологии. Важно отметить, что упоминаемые выше труды Карамзина, Хомякова, Герцена были опубликованы лишь через много лет после их написания.

В конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. резко увеличивается публикация научных трудов по проблемам петровских церковных реформ. Но лишь со второй половины 60-х годов в печати начали активно выходить исследования, в которых так или иначе затрагивались вопросы, связанные с ликвидацией патриаршества⁶.

В исторической науке конца 60-х — первой половины 80-х гг. XIX в. высказывались разные мнения о том, когда Пётр решил ликвидировать патриаршество. С точки зрения одних исследователей (И. Чистович, Н. Розанов, Н. М. Костомаров, В. Попов, А. Г. Брикнер и др.), государь принял это решение сразу после смерти патриарха Адриана. В этом случае правление местоблюстителя С. Яворского следует рассматривать как подготовительный период к преобразованию церкви на новой основе. Такой вывод близок мнению И. И. Голикова. По мнению других исследователей (И. Я. Образцов, Н. Востоков), Пётр окончательно решил ликвидировать патриаршество только после 1718 г. Назначение в 1701 г. местоблюстителя, а не патриарха эти исследователи связывали не с долгосрочными планами Петра, но с определённым стечением исторических обстоятельств. Отсюда следует вывод, что Пётр после смерти Адриана в течение ряда лет не исключал возможность назначения нового патриарха. С. М. Соловьёв утверждал, что на вопрос о том, когда Пётр решился ликвидировать патриаршество, вообще невозможно дать определённого ответа.

Причиной ликвидации патриаршества авторы ряда научных трудов считали стремление Петра I покончить с ситуацией, когда в глазах народа глава церкви воспринимался как равный государю (И. Чистович, Н. М. Костомаров, В. Попов). Другой причиной было опасение Петра, что единоличный глава церкви может превратиться в руководителя оппозиции реформам и тем самым затруднить их проведение (Н. М. Костомаров, П. Знаменский, В. Попов, А. Г. Брикнер). С. М. Соловьёв связывал ликвидацию

патриаршества со стремлением Петра I решить проблемы, накопившиеся в русской церковной жизни и объективной невозможностью сделать это силами самой церкви. Некоторые исследователи связывали перемены, происшедшие в русском церковном управлении в 1701 году, также и с мерами Петра, направленными на секуляризацию церковного имущества (И. Я. Образцов, М. И. Горчаков). По мнению И. Чистовича, Н. Розанова, Н. Востокова, образование Св. Синода было связано со стремлением государя ввести церковь в общую систему государственного управления как одну из его ветвей, приблизить формы организации церковного управления к тем, которые оформились в светской власти к 1720 г.

Большинство исследователей того времени признавали, что Св. Синод в системе управления занял место патриарха и получил власть, равную патриаршей. Н. Розанов отмечал, что после учреждения Св. Синода Пётр вернул ему всё, что прежде отошло от духовного ведомства к гражданскому, за исключением лишь некоторых дел. Об этом же писал и П. Знаменский.

Ряд исследователей обращали внимание на то, что в первые годы существования новой формы церковного правления Сенат рассматривал Синод как орган власти, который находится гораздо ниже его по положению. Синоду приходилось отстаивать свои права во взаимоотношениях с Сенатом.

Н. Востоков и В. Попов отмечали, что для Духовного Регламента характерна неудовлетворительная регламентация дел или предметов ведомства.

Обращает на себя внимание то, что в научных трудах 60-х — 80-х гг. XIX в. постепенно усложняется взгляд на церковные реформы Петра I, укрепляется понимание их неоднозначности и противоречивости. Одновременно растёт критическое отношение ко многим аспектам реформ.

Новые тенденции во взглядах на ликвидацию патриаршества и создание Св. Синода проявились в научном труде Н. И. Кедрова⁷. С точки зрения учёного, Духовный Регламент следует считать именно литературным произведением. Для него характерны недостаток систематичности, частые повторения одного и того же, неполнота, потребовавшая впоследствии многих дополнений.

По мнению Кедрова, Регламент базировался на принципиально разных источниках. С одной стороны, это Священное писание, канонические постановления Православной Вселенской церкви, с другой стороны — идеи европейского рационализма и современного Регламенту гражданского законодательства. Это порождало острые противоречия в Регламенте. Необходимость реорганизации церковной жизни в 1720-х гг. учёный связывал с тем, что благодаря многочисленным реформам в государственном управлении церковь очутилась в совершенно новом для себя положении: полумирской характер с неё был снят, общее неопределённое участие церкви в делах государственного управления прекратилось.

Весь смысл церковных реформ Петра I, по мнению Кедрова, заключался в том, чтобы сообщить административному строю церкви такое устройство, при котором она развивалась бы в гармоничном единении с государством.

Учёный обращал внимание на то, что нигде в законодательных актах того времени нет какой-либо мысли о верховенстве государя в делах церкви. То, что впоследствии светская власть подмяла Синод, не было заложено ни в законодательстве, ни в планах Петра I.

В последнее десятилетие XIX века в научной литературе проблема отмены патриаршества обсуждается активнее, чем раньше. Острее ставятся вопросы о каноничности преобразований Петра в церковном управлении, об источниках Духовного Регламента, о характере взаимоотношений государства и церкви после осуществления реформы.

Н. А. Заозерский в научном труде отмечал, что в Древней Руси церковь существовала относительно независимо от государства⁸. С образованием Русского централизованного государства церковь попала под его контроль, который активизируется в XVII—XVIII вв. Петром I была установлена новая форма церковного правления, которую автор научного труда называл церковно-синодальной.

Заозерский утверждал, Синод был навязан церкви. Он стал церковно-государственным органом управления. Его члены получали полномочия из двух источников — от церкви и от государства. Такой мерой в числе прочих преследовалась цель укрепить силу и значение церковной власти, однако достигнутые при этом выгоды породили ряд неудобств с церковной точки зрения.

По мнению автора, наиболее совершенной формой церковного устройства в России следует считать соборно-патриаршескую.

Острую дискуссию вызвала статья, опубликованная в 1891 г. в апрельском номере Русского вестника под литерой Z⁹. Автор статьи расценивал уничтожение патриаршества как самозащиту государства, против внутренних своих врагов, прикрывавшихся именем церкви.

По мнению автора, церковные реформы Петра были реорганизацией системы ктиторства. Государство пыталось приблизить формы ктиторства к порядкам, существовавшим в стране с древних времён, несколько видоизменив их исходя из ситуации XVIII в. Пётр I дал определённую форму и узаконил то, что постепенно формировалось в нашей стране под влиянием объективного исторического развития.

С резкой критикой этой статьи выступил Афанасий Васильев в своей публикации¹⁰. Он утверждал, что Регламент в нарушении канонических правил отнимает у архиерейства всякую свободу, ставит его в рабскую зависимость от духовного коллегиума. Пётр I присвоил себе положение в церкви несравненно большее, чем можно соединить с понятием ктиторства. Церковную реформу автор связывал в первую очередь со стремлением Петра I к тому, чтобы и в церкви его произвол был законом, со стремлением властвовать не только над телами, но и над душами подданных.

В своей статье «Реформа Петра Великого» по высшему церковному управлению» В. Белогостицкий даёт негативную оценку осуществлённой Петром I реформе¹¹. Признавая справедливым мнение, что она была во многом подготовлена предшествовавшим развитием церкви, автор утверждал, что Пётр в укреплении власти государства над церковью пошёл намного дальше, чем его предшественники. При Петре происходит отмена старой формы церковного правления и установление новой. Преобразования Петра были вызваны несвойственными православию стремлениями государства господствовать над церковью, однако сущности православия они не изменили. Автор согласен с высказанным ранее в литературе мнением о том, что Синод не имел в глазах народа такого значения как патриарх.

Более резкую оценку Св. Синоду даёт профессор Т. В. Барсов в своей книге¹². «Святейший Синод в его прошлом», СПб, 1896 г.

Автор утверждал, что «В планах преобразователя трудно указать иную цель, кроме принятого намерения ограничить ведомство церкви и стеснить его влияние»¹³. Барсов очень высоко оценивал период патриаршества в истории русской православной церкви, отмечал, что он был самым богатым явлением во всех областях церковного благоустройства. По утверждению автора, церковь никогда не высказывала претензий на то, чтобы подчинить себе государство, а потому патриаршество не представляло для него опасности. Соборность приписывалась Синоду только по форме, но не по существу организации. Механизмы деятельности нового органа власти резко противоречили каноническим правилам. Автор отмечал, что церковная реформа Петра имела только отрицательные последствия: церковные дела утратили прежнее течение и жизненность, контроль государства стеснил свободные проявления церковной сферы.

Наряду с научными трудами, содержавшими резкую критику петровских церковных реформ в 90-е годы XIX в. появляются исследования, которые оценивают эти реформы положительно.

В рецензии на книгу Т. В. Барсова протоиерей профессор М. И. Горчаков высказал несогласие с рядом его выводов. По мнению Горчакова, Пётр совершенно не имел намерения ограничить ведомство церкви. Напротив, Государь обнаруживал самые благорасположенные отношения к Св. Синоду и даже готовность расширить его ведомство. Устройство Синода соответствовало принципам государственного и церковного права, а авторитет церковного правительства всегда высоко стоял в сознании и в отношении к нему всех членов русской церкви. Президент Духовной коллегии был поставлен в такое положение, что к его силе и значению ничего не прибавилось бы, если бы ему был дан титул патриарха.

Мнение о том, что отмена патриаршества имела положительное значение для русского общества, нашло отражение также в статье великого философа и мыслителя В. С. Соловьёва¹⁴. «Византизм и Россия». Учёный утверждал, что не Пётр I унизил авторитет церкви и подавил свободу народной жизни, но это произошло намного раньше, потому что в России, как и ранее в средневековой Византии, для церкви на первое место встали обычай и обряд. Церковное управление превратилось в отрасль государственного ещё задолго до начала XVIII века. В этих условиях включение церкви как одного из ведомств в общий состав государственного управления на одинаковых началах с остальными отвечало истинному положению вещей. Реформа церковного управления также была связана и с тем, что Пётр I ясно осознал необходимость самостоятельного церковного авторитета не как ограничения, а как восполнения самодержавной власти. Это была одна из естественных, правдивых, а потому и прочных реформ Петра I.

В 1900 году выходит в свет капитальный научный труд обер-секретаря Святейшего Синода, приват-доцента Санкт-Петербургского университета С. Г. Рункевича «Учреждение и первоначальное устройство правительствующего Синода». Показывая всю сложность и неоднозначность реформ церковного управления, предпринятых Петром I, Рункевич утверждал, что они были исторически оправданы.

Введение междупатриаршества автор научного труда связывал с необходимостью упорядочения церковного управления и суда. Рункевич отмечал, что положение русской церкви в период междупатриаршества «было с исторической точки зрения естест-

венным как возмездие со стороны государства за предшествовавшее вмешательство церкви в область государственной жизни. С точки зрения канонической, это положение было неправильным, как неправильно, впрочем, и положение в предшествовавшее время, хотя формы управления были соблюдены»¹⁵. Однако незаконное вмешательство государства в церковную жизнь ослабило силу церкви, вследствие чего сказалось расстройством и в самом государстве.

Организацию Синода автор связывал со стремлением государства устроить церковное управление таким образом, чтобы правительство церковное шло рука об руку с правительством государственным по пути преобразования сложившегося строя жизни. Учреждением Синода был положен предел вмешательства Сената в ненадлежащую ему духовную область. Установился порядок, при котором Синод был равен Сенату. Церковное правительство приняло патриаршее наследие в полном объёме всего круга дел.

По мнению Ф. В. Благовидова, автора книги «Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия»¹⁶, личные начала, лежавшие в основе старой московской администрации, начали постепенно заменяться коллегиальными ещё задолго до Петра I. Коллегиальная форма правления лучше всего отвечала стремлениям государя поставить церковное правление в непосредственную зависимость от верховной власти, в то время как личное начало могло быть чрезвычайно опасным для государства.

В исторической науке 90-х гг. XIX в. шли споры о соотношении Синода и Сената в общей системе государственной власти. По мнению большинства исследователей, в законодательстве Петра I была изначально заложена идея юридического равенства Синода и Сената. Однако Сенат, опираясь на то, что уже намного ранее он получил большую власть над обществом, попытался поставить Синод в зависимое от себя положение. В острых конфликтах с Сенатом и иными светскими властями Синоду удалось в основном отстоять свои права. По мере того, как отношения высших органов власти обретали устойчивость, эти конфликты стали затухать. Такой точки зрения придерживались С. Г. Рункевич, Т. В. Барсов, И. И. Ольшевский, Ф. В. Благовидов и ряд других авторов. С точки зрения В. Белогостицкого, Синод, несмотря на своё сопротивление, изначально попал в подчинённое положение к Сенату.

В завершение следует отметить, что основные подходы к оценке отмены патриаршества и созданию Св. Синода по-видимому сложились в русской науке не позднее первой половины XIX в. Дальнейшие исследования представляют собой развитие этих подходов, обогащение их новыми идеями и выводами. Показателен тот факт, что в трудах исследователей конца XIX в. находят отражение взгляды, сходные с теми, которые встречаются у И. И. Голикова, Н. М. Карамзина, А. С. Хомякова.

Обращает на себя внимание тот факт, что если в публицистических трудах конца XIX в. часто встречаются самые крайние оценки петровских реформ (абсолютное восхваление, либо полное их отрицание), то в научных исследованиях того времени это имеет место намного реже. Почти все авторы трудов (как бы они не относились к реформам) обращают внимание на существование у них определённых предпосылок, на неоднозначность и противоречивость их результатов. Сложно заметить какую-либо разницу в подходах к оценке церковных реформ между светской и церковной историографией. По-видимому, это

объясняется их активным взаимодействием в то время.

В целом же в исторической науке XIX в. прослеживается постепенное усложнение взглядов на церковные реформы Петра в целом и на отдельные их аспекты. Это происходит из-за роста объёма исторической информации, имевшейся в распоряжении науки, и из-за одновременного усложнения исторического опыта русского народа.

Понимание сложности и неоднозначности церковных реформ Петра I, очевидно, оказало влияние на общественное сознание русского общества. Вероятно, это сказалось и при решении вопросов о реформировании управления Русской православной церковью, обсуждавшихся на государственном уровне в XIX веке, в начале XX века, в частности вопроса о восстановлении патриаршества.

Дискуссия по проблеме ликвидации патриаршества продолжилась и позднее, однако после 1930 г. значительная часть богатого научного опыта XIX — начала XX вв. была предана незаслуженному забвению. Между тем интересные мысли, имеющие большое значение для углубления понимания современной наукой сложности и неоднозначности процесса исторического развития России, как представляется, содержатся в очень многих исследованиях, относящихся к разным научным направлениям XIX в.

Примечания

¹ Голиков, И.И. Сравнение свойств и дел Константина Великого, первого из римских христианского императора со свойствами и делами Петра Великого, первого российского императора, и происшествий, в царствование обоих сих монархов случившихся. — М., 1810.

² Голиков, И.И. Указ. соч. Ч. II. С. 140.

³ Карамзин, Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. — М.: Наука, 1991, С. 36-37.

⁴ Хомяков, А.С. О старом и новом. Статьи и очерки // Современник. — 1888, С. 46.

⁵ Герцен, А.И. Собр. Соч. в 30 томах. Т. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1956, С. 171.

⁶ Чистович, И. Феофан Прокопович и его время. — СПб, 1868; Образцов, И.Я. Первый год синодального правления // Журнал Министерства народного просвещения. — 1868. - № 10; Розанов Н. История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода. — М., 1869; Горчаков, М.И. О земельных владениях митрополитов, патриарха и Св. Синода 988-1738. — СПб, 1871; Соловьёв, С. М. Публичные чтения о Петре Великом. — М., 1872; Востоков, Н.Святейший Синод и его отношение к другим государственным учреждениям при императоре Петре I // Журнал Министерства народного просвещения. — 1875. - № 7; Костомаров, Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Вып. 6. — СПб, 1876; Знаменский, П.В. Руководство к русской церковной истории. Изд. 2. — Казань, 1876; Попов, В. О Святейшем Синоде и об установлении при нём в царствование Петра Великого // Журнал Министерства народного просвещения. — 1881. - № 2-3; Брикнер, А.Г. История Петра Великого. — СПб, 1881.

⁷ Кедров, Н.И. Духовный Регламент в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого. — М., 1886.

⁸ Заозерский, Н.А. О священной и правительственной власти и формах устройства Православной церкви. — М., 1891.

⁹ З. О нашем высшем церковном управлении // Русский вестник. — 1991. - № 4.

¹⁰ Васильев, А. О преобразовании высшего церковного управления Петром I // Русский вестник. — 1891. - № 11.

¹¹ Белогостицкий, В. Реформа Петра Великого по высшему церковному управлению // Журнал Министерства народного просвещения. — 1892. - № 6-7.

¹² Барсов, Т.В. Святейший Синод в его прошлом. — СПб, 1896.

¹³ Барсов, Т.В. Указ. соч., С.208.

¹⁴ Соловьёв, С.М. Византизм и Россия // Вестник Европы. - 1896.

¹⁵ Рункевич, С.Г. Учреждение и первоначальное устройство правительствующего Синода. - СПб., 1900, С. 93.

¹⁶ Благовидов, Ф.В. Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и первой половине XIX столетия. — Казань, 1899.

КИЕНКОВ Алексей Александрович, аспирант кафедры истории.

Статья поступила в редакцию 08.02.08 г.

© А. А. Киенков

УДК 947.083(571.1)

О. В. КАЛАШНИКОВА

Омский государственный
педагогический университет

ДОСУГОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Статья посвящена исследованию повседневного досуга сибирской городской интеллигенции; выявлена его структура, а также предпочтения интеллигенции в организации своего свободного времени.

Для современной гуманитарной науки характерно обращение к исследованию повседневной жизни. Мир повседневности — реальный человеческий мир, то, что окружает человека, с чем он сталкивается каждый день. Частью повседневности является и досуг.

Тема досуга и развлечений городских жителей уже становилась объектом исследования, но это были либо общие работы[1], либо работы, посвященные преимущественно чиновникам и купечеству[2]. Учитывая, что современные исследователи признают зависимость свободного времени от социальной стратификации[3], представляется целесообразным изучить досуг различных слоев населения, в том числе интеллигенции; под интеллигенцией в данной работе мы будем понимать работников образования и медицины.

Под досугом понимают совокупность видов деятельности, предназначенных для удовлетворения физических, духовных, социальных потребностей людей в свободное время[4]. Исходя из этого можно говорить о триединой функции досуга: отдых и восстановление, развлечение и общение, развитие различных способностей.

Виды досуга подразделяют на «серьезный» и «не-серьезный» («обычный», «случайный»).

Канадский социолог Р. А. Стеббинс определяет серьезный досуг как устойчивые занятия любителя или участника общественной (само)деятельности, которые увлекают человека многочисленными возможностями и свойственной им комплексностью (то есть наличие множества длительных преимуществ — самореализация, духовный рост, самовыражение, чувство достижения, повышение самооценки, чувство принадлежности к общности и самовознагражде-

ние). Все занятия и занимающихся ими любителей относят к следующим категориям: коллекционеры; любители, увлекающиеся разными областями искусства; участники (само)деятельности; изготовители и ремесленники («умелые ручки»); участники спортивных состязаний, игр и турниров[5]. При этом два последних типа досуговых занятий, как правило, не входили в число интересов интеллигенции.

Такой вид досуга как коллекционирование предполагает систематизированное собирание каких-либо предметов. Многие врачи, учителя предпочитали собирать вещи, имевшие отношения к их профессиям или представляющие интерес с точки зрения изучения Сибири. Так, «Тобольские губернские ведомости сообщали, что «С. К. Кузнецов приобрел значительную коллекцию свитков и дел, много лет собиравшуюся одним из томских старожилов. ... Все документы, главным образом, касаются Томска и Тобольска с приписанными к ним острогами и заключают в себе весьма любопытные подробности о внутренних порядках этих городов, положении служилых и иных людей, а особенно инородцев» [6]. Хорошая этнографическая и археологическая коллекция была у А.В. Адрианова. Таким образом, составляя коллекции, интеллигенция ориентировалась, прежде всего, на научную ценность вещей, предметов.

В конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в. интеллигенция проводила свободное время в общении, собираясь в чьем-нибудь доме. В Омске, например, подобным центром являлся дом советника Главного управления Западной Сибири Я.Ф. Капустина. На подобное времяпрепровождение указывал и учитель томской гимназии Д. Кузнецов: «У нас с большим успехом составляются домашние сходки и кружки» [7]. Постепенно

с появлением различных обществ на смену домашним клубам пришли другие формы организации досуга, расширилась сфера общения.

Участие в общественной деятельности охватывает различные сферы: образование (как в рамках существующей системы, так и вне ее), социальное обеспечение, благотворительность, наука и другие.

Во второй половине XIX — начале XX в. Омске насчитывалось 33, в Томске и Тобольске — по 30 различных общественных неполитических организаций [8]. Однако не все общества в одинаковой степени участвовали в организации досуга интеллигенции (только примерно половина существующих обществ активно участвовала в организации свободного времени интеллигенции). Исходя из этого, все общественные организации можно разделить на следующие типы: научные; любительские; благотворительные и общества вспомоществования учащимся. Остановимся подробнее на каждом из этих видов общественных организаций и их месте в досуговой составляющей повседневной жизни интеллигенции.

Наиболее популярны среди интеллигенции были научно-просветительские общества. Первые общества такого типа появились еще в 60-х гг. XIX в. (например, Общество исследования Западной Сибири в Омске в 1868 г., или Тобольское физико-медицинское общество в 1864 г.), но они были немногочисленны и активной деятельности не вели. Самым многочисленным являлся Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества, открытый в 1877 году. Его образование отвечало потребностям интеллигенции, которая подняла вопрос о тщательном и всестороннем изучении народного и общественного быта, говорила о необходимости наблюдать движение местной жизни, возбуждать к ее нуждам внимание и интерес [9]. Отдел приглашал через письма всех желающих заняться изучением края в каком-либо научном отношении, предпринять поездки по Западной Сибири. При этом особая ставка делалась на учителей учебных заведений как лиц наиболее подготовленных для выполнения таких заданий и располагающих свободным вакационным временем [10].

Интеллигенция использовала свое свободное время для совершенствования профессиональных навыков, объединяясь в соответствующие общества. Примером такой организации могут служить объединения врачей. Члены общества обменивались опытом, обсуждали интересные случаи из своей практики, изучали санитарные условия местности, выступали с докладами, читали публичные лекции. Первое подобное общество было организовано в Тобольске, но наиболее активно действовало Общество омских врачей (затем — Медицинское общество), первое заседание которого состоялось 11 октября 1883 г. Заметим, что в Томске профессионального объединения врачей не существовало вплоть до 1901 г., когда появилось Общество практикующих врачей Томской губернии, хотя медицинские проблемы становились предметом обсуждений на заседаниях таких обществ, как общество естествоиспытателей при Томском университете и общество содействия физическому развитию.

Многие учителя и врачи свободное время тратили на занятие наукой как продолжение профессиональной деятельности или в рамках научных исследований по заданию различных обществ. Итогом становилось написание статей, издание книг, выступления на заседаниях обществ. Например, К. В. Ельницкий замечал: «... некоторые преподаватели из любви к умственному труду и преподаваемому учебному

предмету находили возможным посвящать часть времени, назначенного для отдыха, разработке вопросов, на которые наталкивала их практическая деятельность» [11]. К концу 1880-х гг. библиография трудов самого Ельницкого насчитывала более 80 статей в различных журналах.

Посещение публичных выступлений своих коллег было способом повышения уровня собственных знаний. Особой популярностью пользовались лекции профессоров Томского университета (зима 1891 — 1892 г.), а также приезжих ученых и общественных деятелей (не всегда оправдывали надежды слушателей).

Особенность научных обществ заключалась в том, что они объединяли интеллигенцию не только города, в котором располагались, но и всего края. Занятия, которые они предлагали в свободное время, включали в себя научные экспедиции, исследования, написание статей, обмен опытом через встречи и заседания, публичные лекции.

Распространенным среди интеллигенции было и увлечение музыкальным и драматическим искусствами, таким образом создавались любительские общества по интересам.

Музыкальные общества возникали из небольших кружков любителей. Например, в Томске преподаватель гимназии Р. К. Сирен в 1876 г. организовал хор из любителей духовного пения, давал бесплатные уроки игры на скрипке, а раз в неделю устраивал у себя на квартире вечера [12]. В конце 1870 — начале 80-х годов такие кружки были преобразованы в Отделения Императорского Русского музыкального общества, которые появились и в Томске, и Тобольске, и Омске. Среди внешних трудностей, с которыми сталкивались члены местных отделений музыкального общества, наиболее часто упоминались теснота помещения, неудобства в акустическом отношении. Программа концерта составлялась случайно, без какого-либо плана, путем сопоставления вещей, наиболее знакомых или нравящихся почему-либо исполнителям. Музыкальные общества сотрудничали с гастрوليрующими профессиональными артистами, проводили совместные концерты, которые пользовались успехом местных ценителей музыки.

Для многих участие в подобного рода организациях позволяло реализовать свои таланты, развить способности. Так, тобольский врач Л. Ф. Ленович в свободное время был дирижером хора любителей. Его высоко ценили и слушатели, и коллеги по музыкальному обществу: «Благодаря своему прекрасному пониманию музыки, развитому музыкальному чутью и выработанным за долгое время практики приемам, Ленович с первого взмаха своей дирижерской палочки умеет сразу овладеть вниманием хора» [13].

Постоянные театры были не во всех городах Сибири, любители сценического искусства объединяли свои силы. Так, драматический кружок в Томске был организован еще в 1866 г., а в 1885 г. был утвержден устав Томского драматического общества. Цели общества были следующие: а) занятие сценическим искусством в форме спектаклей, литературно-музыкальных вечеров и т.п.; б) развитие талантов путем теоретического и практического изучения искусства; в) доставление (членам и публике) возможности знакомиться с лучшими произведениями сценической литературы [14].

Любительские драматические общества были организованы в середине 1880-х гг. в Тобольске и в Омске.

В течение сезона общество давало до 7 любительских спектаклей (по 1 каждый месяц). Спектаклю

предшествовали выбор пьесы и распределение ролей, что нередко сопровождалось спорами. Затем следовали репетиции (на некоторые пьесы требовалось до 13 — 15 репетиций). Спектакли были разные, часто часть выручки шла на благотворительные нужды.

Целью благотворительных обществ была материальная и иная помощь нуждающимся. Практически при каждом учебном заведении существовали Общества вспомоществования бедным учащимся, инициаторами их создания, выступали, как правило, преподаватели данного учебного заведения. Для увеличения средств общества могли проводить публичные лекции, спектакли, концерты и литературные вечера, т.е. такие мероприятия были вспомогательным средством для таких обществ.

Интеллигенция ставила перед собой задачу народного просвещения и развития культуры в обществе. Часть учителей Томска тратили свой выходной день для работы в бесплатных воскресных школах. Еще один из способов для достижения объявленной цели — организация в свободное время так называемых народных чтений для простого народа, посредством которых сообщались сведения из священной истории, отечественной истории; этнографии; естествознания. Но часто в качестве публики на этих чтениях присутствовали исключительно учащиеся и учащие. Сами участники объясняли это тем, что материал для чтений выбирался малоинтересный. Причиной являлся ограниченный выбор тем для народных чтений, если лектор хотел выйти за его пределы, то требовалось предварительное согласование программы выступления с начальством.

Можно выделить следующую особенность этого типа обществ: во-первых, они сами создавали возможности для досуга, а во-вторых, члены этих обществ активно посещали мероприятия.

Как правило, врачи, учителя были членами не одного, а сразу нескольких общественных организаций. Уже со второго года своего пребывания в Омске К.В. Ельницкий начал принимать участие в различных «обществах», учрежденных в городе, «не во всех, а лишь в тех, в которых свое участие считал не лишним» [15]. Таких обществ только в Омске оказалось 12, при этом во многих он не только состоял действительным членом, но избирался членом правления или совета, ревизионной комиссии (в том числе: Общество попечения о начальном образовании, Общество вспомоществования учащимся, Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества).

Важное место в досуге интеллигенции занимало чтение. Книга являлась «значимым средством преодоления культурного одиночества и возможностью ощутить свою общность другими представителями интеллигенции» [16] — с одной стороны, а с другой — позволяла реализовать стремление к самообразованию.

Во второй половине XIX в. в Сибири возникли первые частные библиотеки (платные), также существовали ведомственные библиотеки (при учебных заведениях, церквях, монастырях). Интеллигенция пользовалась услугами данных библиотек. Так, в отчете публичной библиотеки при томской губернской гимназии за первую половину 1863 г. указывалось отношение подписчиков-учителей к неподписчикам как 1:2 [17], т.е. каждый третий учитель являлся активным читателем данной библиотеки.

Распространенной формой проведения досуга были организуемые интеллигенцией литературные (литературно-музыкальные, литературно-вокальные) вечера, на которых читались и обсуждались новинки

литературы, публицистики. Так, И. М. Майский вспоминал, как «в доме читали и разбирали «Крейцерову сонату» Л. Толстого» [18]. Такие литературные вечера часто дополнялись музицированием, пением, они проходили не только дома, но и в учебных заведениях, сохраняя при этом домашний характер, так как попасть на подобное мероприятие можно было, как правило, только по приглашению организатор (директора). Например, 2 марта 1891 г. литературно-вокальный вечер был организован в тобольской гимназии, его оценка была дана в местной газете: «Вечер прошел весело и оживленно. На вечере присутствовала большая часть представителей тобольской интеллигенции» [19]. Постепенно литературно-музыкально-вокальные вечера стали проводиться и в общественных собраниях с приглашением профессиональных артистов.

Постоянные публичные музеи в западносибирских губернских центрах отсутствовали, небольшие собрания предметов имелись лишь при учебных заведениях. Тем ценнее оказывались проводимые периодически выставки, инициатором организации которых выступала местная интеллигенция. Почти ежегодно выставлял свои каникулярные работы преподаватель реального училища художник Императорской академии художеств П. М. Кошаров; регулярно выставлял свои работы и другой местный художник и преподаватель женской гимназии — А. Э. Мако. Периодически выставки организовывались различными обществами, предметы для них собирались из частных коллекций, при этом они сопровождалась необходимыми объяснениями членов комитета.

Участие интеллигенции в подобных выставках было двояким: с одной стороны, она выступала их инициатором, а с другой — благодарным посетителем.

Итак, свое свободное время интеллигенция предпочитала проводить с пользой, уделяя время самообразованию, науке. В качестве участников серьезного досуга интеллигенция вносила вклад не только в собственное развитие, но и также делала многое для других.

«Обычный» досуг немедленно доставляет пользу сам по себе, это относительно недолгая, приятная деятельность. Этот вид досуга мимолетен и не могут служить основанием в отличие от «серьезного» досуга для идентификации людей [5, С.68]. К «несерьезному» («обычному») досугу относят посещение театров, маскарадов, балов, вечеров в общественном клубе, народные праздники, прогулки.

Предпочитая «серьезный» досуг, интеллигенция, тем не менее, не отрицала необходимость развлечения. Это может подтвердить ее отношение к такому виду времяпрепровождения как посещение цирковых представлений: «Конечно, все это, не представляя никакого умственного интереса, быстро приедается, но изредка смотрится с интересом. ... прекрасные гимнасты, смелые наездники вызвали настойчивые и вполне заслуженные аплодисменты» [20].

В XIX в. в сибирских городах профессиональных постоянных театров практически не было. В отсутствие специально оборудованных театральных зданий приезжие труппы актеров играли спектакли в непригодных для этих целей местах, например в манеже — холодном, сыром и мрачном помещении, продуваемом сквозняками, с маленькой сценой. Среди недостатков провинциального театра были также нехватка театральных средств, отсутствие необходимых костюмов, декораций, бутафорских вещей.

Это ограничивало выбор пьес или вынуждало вносить соответствующие изменения, как, например, это было сделано при постановке драмы «Каширская старина» Аверкиева, где пришлось «сократить второй акт, очень живой и характерный» [21].

Театральный сезон длился с сентября-октября по февраль-март, в течение этого времени игралось до 90 спектаклей (от 2 до 5 в неделю). В театральных постановках преобладали переводные или взятые из чужого быта пьесы, но в репертуаре можно было встретить и произведения А. Н. Островского, А. С. Грибоедова, Н. В. Гоголя.

Интеллигенция считала театр одним из важных факторов общественной жизни, чья миссия — «представить известную идею в образах, наглядно представить жизнь в таких формах и картинах, которые давали бы зрителю возможность ориентироваться в жизненной сутолоке, разобраться в ней, найти руководящее начало, которые помогли бы отметить все ее светлые и темные стороны и пробудить в зрителе стремление к нравственному усовершенствованию; театр имеет громадное художественно-воспитательное значение; но это только в том случае, если исполнители будут смотреть на театр как на хранитель и указатель художественных сокровищ человеческого творчества, а не только как на развлечение» [22]. Именно поэтому интеллигенция отдавала предпочтение классическим и новейшим русским драматическим произведениям. Однако, отдавая дань талантливым актерам и актрисам, интеллигенция ценила и хорошо поставленные водевили, комедии и иностранные пьесы, не особенно глубокие по замыслу, и не новые по мысли, но очень сценично сделанные и без заурадных эффектов. Например, переводная драма «Материнское благословение», которая ставилась на томской сцене уже не первый раз, получила следующую оценку: «Несмотря на мелодраматическую фабулу пьесы, она смотрелась с удовольствием благодаря удачному исполнению большинства ролей» [23].

Препятствием для посещения театра служили дорогие билеты, длинные антракты (иногда до 1 часа), вследствие чего позднее окончание спектаклей, как жаловался один из театралов: «Было 12 ч. ночи, а «Вечер у бенефицианта» еще только начинался! Нельзя же ночи проводить в театре!» [24].

Тем не менее, несмотря на недостатки провинциального театра, интеллигенция являлась активной частью театральной публики.

В среднем в сезон проходило 7–11 маскарадов. Они устраивались либо общественным собранием, либо общественной организацией с целью сбора средств на какие-либо нужды. Как правило, на маскарадах присуждались призы за лучшие костюмы. Их можно было купить, сшить на заказ или взять напрокат. Однако современники указывали на малое количество оригинальных костюмов. Для интеллигенции зачастую мотивом участия в маскараде служила его благотворительная цель.

В честь юбилейных и памятных дат давались торжественные обеды и завтраки в общественном собрании. Примером этого может служить традиция сибирской интеллигенции 12 января в день основания Императорского Московского университета в Томском общественном собрании в 4 ч. устраивать обед, на который приглашались лица высшего образования. Такого рода собрания позволяли общаться, отдыхать избранным кругом.

Прогулки на свежем воздухе были еще одним способом отдыха и восстановления сил. В каждом городе были свои излюбленные места, парки.

Зимой в городах открывались катки, однако, по сообщениям местной прессы [25], они не пользовались популярностью у публики, исключение составляли воскресные и праздничные дни, когда там от 2 до 6 ч. вечера играла музыка.

В весенне-летние месяцы организовывались гуляния с иллюминацией и фейерверками, пикники за городом, танцевальные вечера. В «Сибирской газете» сообщалось о том, что «с 31 мая в бывшем Гороховском саду начнутся народные гулянья, причем будет играть 2 оркестра музыки; для детей устраиваются карусели, исполинские шаги, бильбуке и проч., а для взрослых — лодки для катания по пруду; в том же саду устроен летний театр» [26]. Весной, как только позволяла погода, улицы города наполнялись гуляющими.

Однако многие представители интеллигенции предпочитали покинуть город на летнее время, например, перебравшись на дачу или, воспользовавшись отпуском, навестить родных.

Календарь досуговых мероприятий зависел и от религиозных установлений. Так, в газете «Сибирь» читаем: «После веселой разгульной масленицы жизнь в Томске во время поста совершенно позатихла. ... С наступлением светлой недели жизнь в Томске опять оживилась» [27]; аналогично сообщение и омского корреспондента «Теперь настал для нас скучный пост» [28]. Таким образом, пик увеселений приходился на святки и масленицу.

Современники указывали на бедность досуговой культуры по сравнению со столичными городами. Так, А. П. Чехов в своих дневниках писал: «Если не считать плохих трактиров, семейных бань и многочисленных домов терпимости, явных и тайных, до которых такой охотник сибирский человек, то в городах нет никаких развлечений» [29]. На это часто указывала и местная интеллигенция, что объясняется тем, что многие из преподавателей, врачей были приезжими из европейской России, при этом сравнение проводилось не в пользу Сибири.

В целом в губернских центрах Западной Сибири наблюдалось разнообразие видов досуга, но, по сравнению с европейской Россией, отмечалось их более низкое качество, а также различные препятствия.

Таким образом, в губернских центрах Западной Сибири во второй половине XIX в. был представлен как серьезный, так и обычный досуг. Большую роль в организации всех видов досуга интеллигенции играли общественные организации. Деятельность некоторых обществ (научные, любительские по интересам) напрямую была направлена на организацию свободного времени своих членов. Для других обществ (например, вспомоществования учащимся) проведение различных мероприятий из сферы досуга было лишь дополнительным средством для достижения своих целей. При этом если научные общества действовали исключительно в сфере серьезного досуга, то любительские и благотворительные — и в серьезном, и в обычном.

Исходя из вышеизложенного видно, что в организации свободного времени у интеллигенции преобладавал серьезный досуг. На наш взгляд, это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, интеллигенция считала своим долгом просвещение и повышение культурного уровня населения провинции, стремилась способствовать развитию региона. Во-вторых, с 1870-х годов в среде интеллигенции наблюдалось стремление к координации и объединению своих сил (а обычная досуговая деятельность не способна удовлетворить потребность в организационной принадлежности).

Однако, принимая во внимание, что серьезный досуг требует значительной энергии, сил, то становится понятным обращение интеллигенции и к различным формам обычного досуга (прогулки, посещение театров, маскарадов, званых обедов). Именно это и позволяло интеллигенции восстанавливать силы, реализуя такие функции досуга, как развлечение, общение, отдых.

Библиографический список

1. См.: Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта до-революционной Сибири (середина XIX — начала XX вв.). Новосибирск, 2004; Дегальцева Е.А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX — начале XX в. Барнаул, 2005.
2. См.: Маркова И.Б. Досуг сибирских чиновников первой половины XIX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII — начала XX вв. Новосибирск, 1985. С. 41 — 54; Гончаров Ю.М. Быт купечества Сибири второй половины XIX — начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2.
3. Анашкина Г.П. Досуг интеллигенции в Ульяновские // Социологические исследования. 2001. № 12. С. 97.
4. Социологическая энциклопедия / Глав.ред. В.Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. — Т.1. С. 295.
5. Стеббинс Р.А. Свободное время: к оптимальному стилю досуга (взгляд из Канады) // Социс. — 2000. — № 7. — С. 65-66.
6. Тобольские губернские ведомости. 1889. 7 января. Н.Ч.
7. Тобольские губернские ведомости. 1863. 1 ноября.
8. Подсчитано по: Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861 — 1917 гг.). Барнаул, 2002.
9. Сибирская газета. 1881. 1 марта.
10. ГАОО. Ф.86. Оп.1. Д.7. Л.63.
11. Ельницкий К. Очерки по истории Омской женской гимназии. СПб, 1888. С. 87.
12. Адрианов А.В. Город Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890. С. 121.
13. Сибирский листок. 1891. 16 июня.
14. Сибирская газета. 1888. 15 мая.
15. Ельницкий К.В. XL лет учительства в далекой окраине. Воспоминания старого учителя. Киев, 1911. С. 71.
16. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальманту. Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. М., 1991. С. 22.
17. Тобольские губернские ведомости 1863. 25 октября.
18. Майский И.М. Воспоминания советского посла. Кн.1. Путешествие в прошлое. М., 1964. С. 45.
19. Сибирский листок. 1891. 17 марта.
20. Сибирская газета. 1888. 16 июня.
21. Сибирская газета. 1881. 1 ноября.
22. Сибирский листок. 1891. 17 января.
23. Сибирская газета. 1882. 3 января.
24. Сибирская газета. 1881. 4 октября.
25. Сибирский листок. 1892. 26 января; Томский листок. 1895. 31 января.
26. Сибирская газета. 1883. 29 мая.
27. Сибирь. 1876. 9 мая.
28. Сибирская газета. 1887. 8 марта.
29. Чехов А.П. По Сибири: Путевые очерки и письма. Иркутск, 1939. С. 33.

КАЛАШНИКОВА Ольга Владимировна, аспирант кафедры отечественной истории.

Статья поступила в редакцию 28.02.08 г.

© О. В. Калашникова

УДК 947

В. В. ВАТУТИНА

Московский государственный областной педагогический институт

КУСТАРНО-РЕМЕСЛЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Развитие кустарных промыслов 2-й половины XIX — начала XX вв. входит в круг наиболее актуальных проблем отечественной историографии исторической науки. История традиционных форм общественного производства в контексте модернизационного процесса актуализировалась в связи с необходимостью поиска «Российского пути развития», после неудач пятнадцатилетия либеральных реформ. Историографический аспект вопроса является важнейшей составляющей разработки указанной проблемы.

История промыслов и кустарного производства вообще и Владимирской губернии в частности до сих пор не стало предметом специального изучения в отечественной историографии, хотя отдельные ее черты в большей или меньшей степени рассматри-

вались обществоведами и практиками хозяйственного строительства.

Первые шаги в изучении проблемы кустарного производства были предприняты в дореволюционный период. Начало изучения проблемы было положено

в 60-е годы XIX века работой А. Корсака, исследованиями мелкой промышленности Русским географическим и Вольно-экономическим обществами, комиссией по исследованию кустарной промышленности в России¹.

Предметом дискуссии середины девятнадцатого столетия, явился вопрос общественной целесообразности сохранения мелкой «народной» промышленности в условиях разворачивающейся в стране индустриализации. «Новая форма промышленности (имеется в виду крупное фабричное производство, насаждаемое сверху)» — по мнению Корсака, — «была решительно противоположна всем народным привычкам и формам жизни»². При этом в центре внимания автора находилась домашняя промышленность, обнимающей все виды крестьянской промышленной деятельности. Корсак не скрывая своей симпатии к этому виду промышленности, называя его «весьма замечательной формой производства»³, разделяя широко распространенные в его время представления о кардинальном отличии социально-экономического строя России и Западной Европы, «искусственном насаждении промышленности при Петре I»⁴, «безразличии между городом и селом»⁵. Главное достижение этого, для своего времени глубокого исследования, — признание неотвратимости и неизбежности модернизации кустарного производства. «Вообще, домашние формы производства в настоящее время у нас еще господствуют» — писал в заключение книги Корсак. Причина того, с одной стороны, заключается только в преходящих условиях, свойственных каждому народу на определенной ступени его экономического развития»⁶.

Вопрос о роли и месте мелкого производства в хозяйственном строе России, вынужденной догонять страны, раннее вставшие на путь капитализма являлся и в дальнейшем лейтмотивом неиссякаемой полемики в общественной мысли. Пореформенное время знает большое число апологетов кустарных промыслов.

Представителями таковых являлись народники, у которых идеализация мелкой деревенской промышленности на началах артельности была одной из форм выражения идеи крестьянского утопического социализма. Большой частью это были не революционные народники, а те чья общественная активность протекала, главным образом, в сотрудничестве с народническими изданиями, вроде журнала «Дело», «Отечественные записки», и др., а также в работе статистических отделений при земских управах.

Одним из ярких представителей таковых явился секретарь Владимирского губернского Статистического комитета, редактор Владимирских губернских ведомостей К. Н. Тихонравов. В своей работе «Материалы статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии» он отмечал, что Владимирская губерния «имеет характер исключительно «промышленный». «Малопродуктивность почвы в большей части губернии, и притом почвы требующей многих трудов и издержек, для улучшения и доведения ее до хорошего плодородия, сверх того дешевизна сельскохозяйственных произведений... были причиною того, что большинство земледельческого класса должно было по необходимости искать промыслов более выгодных, чтоб улучшить свой быт и довести его до благосостояния»⁷.

Труды земцев обобщили обширный массив фактического материала, характеризующего различные стороны кустарного производства, тем самым, определив свое непреходящее значение в историографии вопроса.

Одним из основных вопросов, обсуждавшихся авторами земских изданий, был вопрос о том, что следует понимать под кустарной промышленностью. Первоначально под этим термином подразумевалось мелкое сельское неземледельческое производство, на которое не распространялась ни фабричное, ни ремесленное законодательство. Экономическую характеристику этого вида общественного хозяйства попытался дать известный экономист народник В. Воронцов. Характерными чертами его он считал работу на рынок, связь с землей и сезонность промысловых занятий. Анализируя все остальные виды промышленности, Воронцов отдавал предпочтение мелкому производству, считая его менее всего подверженным различного рода кризисам, и составляющим материальную основу социальной устойчивости крестьянских хозяйств⁸. Сложная ситуация в исследовании кустарных промыслов, по мнению Воронцова обуславливалась, эпизодичностью исследований, различиями в программах их проведения⁹. Правда, с 1887 года, с момента учреждения специальной комиссии имеющей кустарную промышленность объектом исследования положение дел начало меняться. Исходя из реальных возможностей комиссия решила изучать не те промыслы и районы, которые важнее, а «предпринимать исследования там, где только найдутся для этого местные деятели»¹⁰.

Особое место в кругу исследователей кустарной промышленности принадлежала трудам В. С. Пругавина и С. А. Харизоменова. Земский статистик и экономист В. С. Пругавин, посвятивший свое исследование Александровскому уезду Владимирской губернии, писал, что «одной из самых важных и существенных причин развития кустарных промыслов было крестьянское малоземелье, крайне ограниченный размер душевого надела и плохое качество почвы. Стремление к экономическому благосостоянию заставляло крестьянина взяться за какое-нибудь ремесло, за какой-нибудь промысел»¹¹.

В. С. Пругавин был первым, кто, основываясь на результатах конкретных исследований неземледельческих промыслов, в 80-е гг. XIX в. сделал вывод о том, что значительная масса мелких промышленников уже в то время была лишена какой-либо самостоятельности в отношении приобретения сырья и сбыта готовых изделий и работала на мастерков или фабрикантов. Отмечая трудности кустарной промышленности в России, В. С. Пругавин тем не менее видел возможность поддержать эту отрасль хозяйственной деятельности сельского населения через систему кредитов со стороны правительства или земских органов, устройство складов для сырья и реализации их продукции, обучение ремеслу крестьянских детей¹². Само существование крестьянской промышленности автор считал положительной чертой российской жизни, позволяющей селянам избежать пауперизации.

Взглядам народников противостояли воззрения ученых-обществоведов либерального направления. Одним из ярких представителей таковых являлся другой известный земский статистик С. А. Харизоменов — экономист, порвавший с организацией «Черный передел». В отличие от народнических взглядов Пругавина, он полагал неизбежным повторение западноевропейского опыта расслоения мелкой крестьянской промышленности под действием наступающих капиталистических порядков. Не случайно взгляды Харизоменова на перспективы развития кустарного производства в России полностью совпадали с взглядами будущего основоположника россий-

ского марксизма, соратника по «Черному переделу» Г. В. Плеханова. В общих теоретических работах исследователя, посвящённых проблемам мелкой сельской промышленности, содержится ряд существенных выводов о положении этой отрасли общественного хозяйства. «Анализ кустарной промышленности, — отмечал С. А. Харизоменов, — показал нам ошибочность того, что к России неприменимы законы западноевропейской жизни. Наиболее значительная часть кустарной промышленности организована в России в чистой форме домашней системы крупного производства. Здесь производитель — наёмный рабочий, получающий среднюю плату и обрабатывающий чужое сырьё. Он владеет только дешёвыми инструментами. Эти выводы дают основание утверждать, что теория своеобразного экономического развития России по каким-то ей одной присущим законам, преждевременна и неосновательна. Законы, выработанные западной экономической литературой, нашли своё полное выражение в организации русской промышленности»¹³. По мнению учёного, домашняя форма крупного производства и мануфактура являлись желательным исходом для мелкой промышленности, охватывающей целые регионы страны.

Немаловажный вклад в изучение мелкой сельской промышленности был сделан в конце — начале XIX — XX вв. представителями марксистского направления общественной мысли.

Важное место в ряду ученых марксистов принадлежит Г. В. Плеханову. Являясь единомышленником либералов в критике народнических взглядов на пути развития кустарного производства, в своих научных трудах он рассматривал кустарную промышленность как одну из главных составляющих к крестьянскому бюджету. Плеханов сделал вывод, «что, несмотря на пресловутый общинный дух, будто бы свойственный русскому крестьянину, мы далеко отстали от "индивидуалистического" Запада в деле практического применения кустарями и ремесленниками принципа кооперации... Так, например в Англии уже в 40-х и 50-х годах нынешнего столетия кустари — скупщики стали заводить на кооперативных началах крупные механические мастерские... Спасительная неподвижность, которая, по предположению славянофилов и западников, должна была сохранять в своей силе "общинный дух" нашего народа, на самом деле привела к совершенно противоположному результату»¹⁴.

Самым ярким представителем отечественного марксизма был В. И. Ленин, занимавшийся вопросами развития капитализма и пытавшийся на основе анализа различных форм промышленности пореформенной России обосновать наличие необходимых условий для социальной революции в стране. Составной частью этой сложной проблемы являлось изучение мелкого производства, определение его места и роли в «общем» процессе развития капитализма.

Основу ленинского подхода к анализу социальной сущности, природы и типа хозяйства кустаря и ремесленника составляла характеристика производственных отношений, в которые эти хозяйства вступали. Социальный облик производителя, тенденцию его общественной мобильности, по мнению Ленина определяли не только сложившиеся внутри предприятия производственные отношения, но и весь комплекс хозяйственных связей, окружавших данную производственную единицу.

По мнению В. И. Ленина, буржуазная историография, не вникая в суть происходящих в российской экономике явлений или не способная понять их, обычно ограничивалась характеристикой всей мел-

кой промышленности как кустарной, а людей, занятых в ней, сводила к одному термину «кустари». Резко отвергая такой подход в научных исследованиях, Ленин писал: «Мы считаем бесполезно спорить о смысле слова «кустарь», ибо, как увидим ниже, нет той формы промышленности (кроме разве машинной индустрии), которая бы не включалась под этот традиционный термин, абсолютно негодный для научных исследований»¹⁵.

В основу ленинского анализа социальной структуры промышленного населения России легли марксистские посылки об общественно-экономических укладах и классовом делении общества. Признак деления классов и социальных групп — их место в общественном производстве, их отношение к средствам производства¹⁶.

Наиболее универсальным принципом группировки кустарных предприятий, отражающим их общественно-экономическое значение, В. И. Ленин считал классификацию хозяйств по числу занятых в производстве лиц (и наемных, и семейных)¹⁷.

Простое увеличение количества рабочих в мелкой мастерской вело к изменению в характере производства, проявлявшемуся в улучшении технической оснащенности, в повышении значения наемного труда¹⁸.

Расширение масштабов производства сопровождалось увеличением использования труда наемных рабочих. Рост числа членов семьи, задействованных на предприятии, шел параллельно с ростом числа рабочих привлекаемых со стороны¹⁹.

Ленинские труды, посвященные исследованию кустарно-ремесленной промышленности, содержат исчерпывающую характеристику всей системы отношений обмена и производства, в которых осуществляла свою деятельность мелкие промышленники.

Тщательное изучение межхозяйственных связей промысловиков обусловило выделение в их массе трех категорий мелких производителей; «кустарей, работающих на вольную продажу», «кустарей, работающих на заказчиков-потребителей», «кустарей, работающих на заказчиков — скупщиков». Подчеркивая тот факт, что все три категории «представляют совершенно разнородные типы по своему общественно-хозяйственному значению»²⁰ Ленин относил первую категорию к мелкоотоварному производству, вторую — к патриархальному, третью — к капиталистическому укладу.

В денном делении достаточно четко прослеживается грань между кустарями, работающими на заказчика — потребителя, и производителями первой и третьей категорий. Такой гранью В. И. Ленин считал товарный характер производства.

Ремесло, в представлении Ленина, являлось первой формой промышленного производства, отделившегося от земледелия, и представляло собой работу по заказу потребителя²¹.

Сопоставление выделенной по качественному признаку группы ремесленников (работа на заказ потребителя) с классификацией мелких промышленников по величине производства показало, что предприятия последних входят в разряд с наименьшим составом рабочих. Отличительной чертой патриархальных мастерских являлось «наиболее разрозненное производство, наибольшая обособленность единичных производителей, наименьшее применение кооперации в производстве»²².

Совершенно противоположную форму организации промышленности по своему месту в системе капиталистического способа производства представляет собой третья категория кустарей. Работа на дому

являлась, по существу, придатком мануфактуры или фабрики и представляла собой капиталистическую эксплуатацию промысловиков крупными промышленниками.

Отношения, складывающиеся между «кустарями» и мануфактуристом или фабрикантом, В. И. Ленин определял как капиталистические, а социальное положение данного типа промысловика — как близкое к наемному рабочему, эксплуатируемому непосредственно на крупных индустриальных предприятиях.

Наряду с определением сущности «капиталистической работы на дому» труд В. И. Ленина содержит исчерпывающую характеристику переходной формы к буржуазной организации кустарного производства, которой являлись работа мелкого труженика на скупщика — предпринимателя.

Сочетание «товарного производства» и «капиталистического сбыта» исключало однозначное понимание дуалистического содержания производственных отношений хозяйственной системы «скупщик — кустарь». Капиталистические отношения, носителем которых являлся предприниматель — торговец, способствовали разрушению простого товарного производства. Однако на этой стадии капитализма социальный статус эксплуатируемого кустаря оставался мелкотоварным²³.

Мастерские кустарей, эксплуатируемых буржуазными предпринимателями (скупщиками, промышленниками-капиталистами), отличались небольшим размером производства. Число лиц, занятых промышленной деятельностью в этих хозяйствах, сводилось к минимуму. Довольно значительную часть зависимых промысловиков составляли кустари — одиночки.

Наконец, первая категория мелких промышленников, «работающих на вольную продажу», представляла собой простых товаропроизводителей. «Мелкая буржуазия», положение которой в капиталистическом обществе неустойчиво, вследствие постоянной конкурентной борьбы с крупным капиталом, «с одной стороны, постоянно выделяет небольшое меньшинство крупных буржуа, с другой стороны, выталкивает большинство в ряды пролетариата»²⁴.

Говоря о «мелкой буржуазии», В. И. Ленин отмечал тот факт, что понятие охватывает и крестьян, и мелких промышленников. И те, и другие представляют собой мелких «производителей, работающих на рынок, и отличаются лишь степенью развития товарного хозяйства»²⁵.

Ленинский анализ отечественных кустарно-ремесленных промыслов, основанный на широком статистическом материале, не утратил своего научного значения и в наши дни. Однако, обосновывая наличие в России материальной базы социализма, подготовленной капиталистическим обобществлением, он не видел собственной социально-экономической «ниши» развития мелкой промышленности, рассмат-

ривал последнюю как «промежуточную ступень» к крупному производству.

Таким образом, дореволюционная историография проблемы характеризуется наличием трудов условно объединяемых тремя общественными движениями народников, либералов и марксистов и, соответственно, дифференцированным взглядом на перспективы развития мелкой промышленности. Антагонисты в политике: либералы и марксисты были единодушны в оценке исторического значения кустарных промыслов как ступени в становлении крупного промышленного производства не имеющей собственной будущности.

Примечания

¹ Корсак, А.К. О Формах промышленности вообще и о значении домашнего производства в Западной Европе и в России. - СПб. — 1861, С. 128, 129.

² Там же. С. 129.

³ Там же. С. 2.

⁴ Там же. С. 105, 106, 129, 210.

⁵ Там же. С. 109.

⁶ Там же. С. 306-307.

⁷ Тихонравов, К.М. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии // Владимирский сборник. — 1857, С. 12-13.

⁸ Воронцов, В.П. Очерки кустарной промышленности в России. - СПб, 1886, С. 32.

⁹ Там же. С. 32.

¹⁰ Труды комиссии для исследования кустарной промышленности. Т.8. Отд.1. СПб, 1893, С. 218.

¹¹ Пругавин, В.С. Промыслы Владимирской губернии. Вып. 1-2. М., 1882, С. 81.

¹² Он же. Кустарная промышленность, ее судьба и значение // Вестник Европы. — 1876. - № 5. - 346.

¹³ Харизоменов, С.А. Значение кустарной промышленности // Юридический вестник. - 1883. - № 11-12. - 594.

¹⁴ Плеханова, Г.В. Обоснование народничества в трудах Воронцова. Соч. Т.9. М., 1949, С. 214-215.

¹⁵ Ленин, В.И. Пол. собр. соч. Изд.- 5-е. Т.2. С. 323.

¹⁶ Там же. Т.7. С. 45.

¹⁷ Там же. Т.2. С. 336, Т.3. С. 342.

¹⁸ Там же. Т.3. С. 341-342.

¹⁹ Там же. Т.2. С. 337, Т.3. С. 345-346.

²⁰ Там же. Т.3. С. 323.

²¹ Там же. Т.3. С. 329.

²² Там же. Т.3. С. 334.

²³ Там же. Т.3. С. 359-368.

²⁴ Там же. Т.2. С. 215.

²⁵ Там же. Т.1. С. 413.

ВАТУТИНА Виктория Владимировна, аспирант кафедры истории.

Статья поступила в редакцию 08.02.08 г.

© В. В. Ватутина